Я. ЯКОВЛЕВ

РУССКИЙ АНАРХИЗМ

в Великой Русской Революции

Цена 35с.

Издание
ОБ'ЕДИНЕННЫХ ТРУЖЕННИКОВ АМЕРИКИ
(United Toilers of America)

Я. ЯКОВЛЕВ.

РУССКИЙ АНАРХИЗМ В ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Изданіе
ОБ'ЕДИНЕННЫХ ТРУЖЕННИКОВ АМЕРИКИ
(UNITED TOILERS OF AMERICA)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введенiе.

Русскому анархизму от роду чрезвычайно немного лет. Анархизм не имел глубоких корней в революционном движении 5—6 г.г. В первой русской революции он выступал без определенной программы и тактики, не захватив своим влиянием рабочих масс. Некоторое значение, больше бунтарское, чем революционное, он имел только в некоторых пунктах Западной России и Урала.

При боевой проверке революционных сил в последовавшие годы реакции, анархистов налицо не оказалось ни в одном пункте России. Вождь русского анархизма Кропоткин во время войны превратился в агента Антанты, поддерживал всемерно правительство Пуанкарэ во Франции, призывал русских рабочих поддерживать царскую власть, после февральской революции активно защищал кадетские элементы во временном правительстве.

Не с'играли они никакой роли и в период февральской революции 17-го года. В октябрьские дни основной задачей была задача разрушения и уничтожения капиталистического государства — аппарат буржуазного общества необходимо было разбить во что бы то ни стало. Русский рабочий класс выполнил эту задачу с величайшей организованностью, сознательностью и выдержкой. Анархисты хотя и не выявили в этой работе разрушения своего собственного лица, но не мешали ей и в целом шли вместе с рабочими России. По существу, историю русского анархизма, как активного фактора революции и контр-революции, можно вести с весны 18-го года. Наша узкая задача — дать въ настоящей брошюре очерк развития теории и практики русского анархизма в Великой Русской Революции, — благодаря этому превращается в значительной мере в очерк развития всего русского анархизма...

Мы извиняемся заранее перед теми нашими заграничными товарищами революционерами, ухо которых будет резать употребление слова „анархист“ в сочетаниях совсем не революционных. Тут вина не наша. Вина тут в том об'ективном факте, что русский анархизм, не имея корней в русском рабочем движении, превратился в России в одно из течений в средних и зажиточных слоях крестьянства. Западно-европейскому рабочему, представление которого об анархизме связано с революционно-профессиональным движением, трудно понять это своеобразное явление. Мешает этому и незнание русских условий. Поэтому мы просим таких товарищей особенно внимательно отнестись ко всем тем местам брошюры, которые выясняют связь русского анархистского движения с ходом развития идеологии зажиточного крестьянства в России.

Также просим неуклонно помнить, что открытая борьба Советской власти с русскими кулацко-анархистскими элементами вовсе не означает борьбы III Интернационала с западно-европейскими революционными анархо-синдикалистами. У европейских анархо-синдикалистов, конечно, свои „шейдемановские“ и центристские крылья. Но масса их, связанная с рабочими массами, при всех своих теоретических заблуждениях, представляет собой революционную силу, которой по пути только с Коммунистическим Интернационалом.

ГЛАВА I.

„Единый“ Анархизм.

Весной 18 года, положение Советской России усложнилось чрезвычайно. Брестский мир сдавил рабочую Республику со всех сторон, отрезал ее от угля, нефти, хлеба. Антанта начинала свое наступление с Севера и Востока. В таких неслыханно трудных условиях необходимо было переходить от задач разрушения капиталистического аппарата к задачам хозяйственным, творческим, строительным. Во весь рост перед рабочими России встали трудности организации продовольственного дела. Вырисовалась задача организации силами рабочего города — беднейших элементов деревни. От лени, разгильдяйства, от революционной распущенности, — неизбежных при ломке всех старых общественных отношений, — необходимо было переходить к революционной дисциплине труда, самодисциплине, усиленной работе на захваченных у капиталистов заводах и фабриках. „От революционной распущенности — к революционной дисциплине, от задачи разрушения — к задачам созидания, от задачи конфискации — к задачам учета и контроля“, — таковы были лозунги всего пролетарского авангарда весной 18 года, в тяжелые дни Брестского мира. Эти задачи оказались безмерно более трудными, чем задачи разрушения. Они потребовали от рабочих масс гораздо больше сознательности и выдержки. Более того, эти задачи, в огромной степени, стоят перед нами и в 1921 году.

Против этих задач решительно выступает повсеместно „Федерация анархистских групп“. Федерация анархистских групп, представлявшая об'единение анархистов различных оттенков, программ и направлений, выступает с огромным напряжением против всяких попыток советской власти, Коммунистической Партии и профессиональных союзов ввести ре-

волюционную дисциплину труда и поднять бедняков деревни против деревенской буржуазии. Лень, неумение работать, безразличное отношение к выполняемой задаче,, качества, доставшиеся русскому рабочему в наследство от старой царской фабрики — тюрьмы, вступили в непримирое противоречие с необходимостью во что бы то ни стало приступить к организации производства на новых социалистических началах. В этом конфликте анархисты заняли вполне определенное место, и это впервые точно определило их место в русской революции.

В апреле 18-го года советская власть издает постановление о железнодорожном труде. Постановление имеет целью начать борьбу с развалом на железных дорогах, с стовластием на каждом участке пути. Постановление одобряется происходящим Всероссийским Совещанием железнодорожных рабочих комитетов. Но это не одобряется анархистами. Анархисты повсеместно пробуют начать организацию наиболее несознательных элементов железнодорожников на почве борьбы с идеей революционной дисциплины труда. Профессиональные союзы намечают целый ряд мер борьбы с шкурничеством, мешечничеством и разгильдяйством. Вся сознательная рабочая масса поддерживает на этом пути и профессиональные союзы и Советскую власть. „Единый“ анархизм об'являет соответствующие постановления советов и профсоюзов „возвратом царской палки“.

Рабочий класс России получил в наследство от буржуазии огромную, окончательно разложенную, армию. Эта армия была не в состоянии оказать какое бы то ни было сопротивление наступлению германского империализма и Антанты. Первые попытки сопротивления наступлению войск Вильгельма на Западе оказывают отдельные партизанские отряды из самоотверженных революционеров рабочих. Эти отряды чрезвычайно скоро обнаруживают и свои сильные и свои слабые стороны. Силу им давали героизм, порыв, увлечение, революционный энтузиазм, преданность рабочему делу. Слабость их была в разрозненности, недисциплинированности, несвязанности друг с другом, отсутствии общего командования, отсутствии регулярного снабжения. Каждый отряд прекрасных революционеров рабочих выступал на фронт, когда хотел, брал снабжение, где мог и где хотел, воевал столько, сколько мог и сколько ему хотелось, отправлялся на фронт теми путями, какие сам выбирал. Такими отрядами сопротивляться одновременному наступлению Германии и Антанты было невозможно. Советская власть и Коммунистическая Партия намечает и железной рукой начинает проводить ряд мер по дисциплинированию и по организации отдельных отрядов, по введению единого командования, по установлению единого снабжения. Против каждой такой попытки анархисты развивают бешеную агитацию. Германский империализм, Антанта и русская контр-революция наводняют нашу армию своими агентами, ведут агитацию за разложение красной армии, дезертирство, измену советской власти. Это требует решительных мер нашей обороны против контр-революции. Анархисты об'являют расстрел предателя на фронте покушением на октябрьскую революцию. Всякий отряд, осевший мирно в Москве и не желающий итти на фронт, берется под покровительство анархистами. Всякий отряд, об'ясняющий свое нежелание итти на фронт тем, что у него осталась еще „работа в тылу“, об'является анархистами „своим анархистским отрядом“. Так было в Екатеринославе, Харькове и Ростове. Екатеринослав в ночь на 4-ое апреля 18 года был занят войсками Кюльмана и Гинденбурга, а 2-го апреля анархистский отряд занимал город, арестовывал Совет, арестовывал отдельных большевиков, видя в этом чрезвычайно революционное дело. При отступлении от немцев, любой отряд, бывший дальше всего от фронта, больше всего заботившийся о немедленной перекочевке буржуазных сундуков к себе, гордо именовал себя „анархистами“. Это, конечно, не исключало ряда случаев героизма подлинных анархистов, боровшихся честно на фронте против сил германского империализма. Но Советы и Коммунистическая Партия были бы собственными могильщиками, если бы случаи героизма анархистских отрядов, или отдельных анархистов на фронте заставили их уклониться от задачи превращения партизанских отрядов в красную армию. Анархисты желают увековечить партизанщину, которая к моменту Брестского мира уже становится не силой, а слабостью Революции. На борьбе за сохранение партизанщины они мобилизуют против советской власти, против Советов наиболее разложившиеся элементы партизанских отрядов.

Во имя спасения себя от абсолютного голода, рабочий класс России ставит своей задачей поднять к власти, организовать, привлечь к себе на помощь самые забитые, наиболее угнетенные и подавленные слои крестьянства — его беднейшие

шие слои. Против этого деревенский буржуа и спекулянт. Кадр спекулянтов усиленно пополняется разложившимися элементами из разных партизанских отрядов и деклассированными элементами города. Анархисты выступают яростными защитниками спекулянтов, с одной, и деревенских буржуа, с другой стороны. Каждый случай обиды спекулянта раздувается ими всемерно. Всякая попытка ограничения свободы спекуляции и торговли об'является покушением на свободу. Рабочие тысячами направлятся в деревни, где подымают беднейшие слои крестьянства к власти. Деревенская буржуазия подымает знамя восстания против советской власти. „Анархия“, орган Московской федерации анархистских групп, из номера в номер начинает вести агитацию против каких бы то ни было продовольственных отрядов, против каких бы то ни было мер борьбы со спекуляцией. Видя, что наиболее сознательные слои рабочего класса идут за коммунистами-большевиками, анархисты начинают возлагать все свои надежды на крестьянство. Так, передовая статья газеты „Анархия“ в № 64 заканчивается угрозой коммунистам: „Деревня скоро скажет свое грозное слово большевикам: — долой!“. Анархист Атабекьян в той же газете „Анархия“, № 67, говорит прямо, что „анархисты, взяв под свою защиту мешечников, в сущности отстаивают свободную торговлю, как и кадеты“...

Идеологи сельской буржуазии — левые эсеры то же пытаются сделать в городе. Рабочие отряды идут в деревню на помощь трудовому беднейшему крестьянству — против деревенских буржуа.

И в отношении к красной армии, и в отношении к пролетарской дисциплине, и в отношении к крестьянству, — мы не видим еще определенной программы. От случая к случаю, от одного декрета к другому, определяют анархисты свою позицию. Но со дня на день, по мере выяснения всех трудностей, которые стоят перед рабочим классом России, их позиция становится все яснее и яснее. Ее заключительная формулировка дается „Буревестником“ (органом Петроградской федерации анархических групп): „или так называемая демократическая республика или коммуна. Средины нет. Советская республика абсурд“ (№ 57 — от 27 апреля 1918 г.). В этой формулировке уже имеется зародыш будущей теории анархистов о немедленном переходе, скачке из старого помещичьего капиталистического государства к безвластному обществу.

Неудивительно, что, при таких построниях в области „теории“, анархисты в городах становятся центром притяжения для разложившихся элементов партизанских отрядов, для уголовных, для дезертиров красного фронта. Наводнению анархистских организаций подобными элементами содействует структура их организации. Анархистские федерации об'являют буржуазной выдумкой всякую регистрацию членов, контроль над своим составом, дисциплину в своих рядах. В Москве анархистская федерация об'единяет около полутора десятка различных групп и несколько отрядов „черной гвардии“. В результате таких организационных принципов уголовным элементам удается прекрасно использовать анархистскую марку для грабежей, под видом обысков и реквизиций, производимых „черной гвардией“. С прилипающими к ней бандитами федерация отказывается бороться. Для оправдания такого отказа создаются, конечно, соответствущие теории. Наиболее выпукло такая теория оправдания непротивлению грабителям сформулирована в „Анархии“ № 25: „Что может делать федерация? Бороться с преступниками? Нет. По нашему надо бороться с преступлением, надо искоренить те причины,, которые делают возможными такие явления... В чем наша вина? Мы не боремся с ворами грабиталями, которые злоупотребляют нашим именем, позорят и грязнят нас? Нельзя же нам в самом деле бороться с вором, который ворует в воровском обществе“...

Одни группы, занявшие отдельные особняки в Москве и Петрограде, целиком захватываются ворами и грабителями. Другие собирают в своем составе большее или меньшее количество уголовных. Московская федерация, конечно, знала, что многие черногвардейцы, посылаемые ею для обысков и конфискаций, совершают кражи и грабежи. Зная это, она не предприняла никаких мер, ни для очищения групп и частей групп, занимавшихся грабежами, ни для разоружения „черной гвардии“. Анархистская организация превратилась в своеобразную церковь средних веков, пройдя врата которой преступник делался неприкосновенным. Солидаризация федераций с отдельными грабителями, носящими анархистское звание, заходит так далеко, что после ареста видного экспроприатора Кебурье, разгромившего бельевой склад Всероссийского Земского Союза, Московская федерация предявила ультиматум об его освобождении. Москва и Петроград заливаются волной уголовщины, не различающей богатых и бедных. В ряде городов:

в Екатеринославе, Ростове, Брянске анархистская федерация освобождает уголовных из тюрем. В Брянске эта операция освобождения из тюрьмы всех убийц, воров и хулиганов проделывается 1-го мая. В итоге, — черезъ несколько часов весь город был захвачен волной грабежей. А „Вестник Анархии“, орган Брянской федерации анархистов писал по этому поводу с видом исключительно наивным: (№ 2 от 23 мая 18 г.).

„Мы, анархисты, всегда стремимся уничтожить тюрьмы. Раз мы говорим на словах, — так мы должны и делать. Путем действий мы должны осуществлять идеал анархии. Мы не большевики, чтобы говорить одно, а делать другое... Вы, господа коммунисты, говорите, что мы выпустили убийц, воров, хулиганов, а я спрошу вас: — „Кто их сделал ворами, хулиганами и убийцами, как не капиталистический строй, как не государство с его полицией, милицией, жандармерией, комиссариатами, армией — социалистической армией?“.

Идейные анархисты совершенно бессильны справиться с заливающим их бандитизмом. В каждом номере своего органа с конца марта 18 года Московская федерация заявляет:

„За последнее время замечается злоупотребление именем федерации анархистских групп. Неизвестные личности отбирают кошельки, производят угрозы с целью вымогательства, обыски, аресты и т. д., пользуясь именем федерации“.

И несмотря на это признание, печатаемое из номера в номер, ни одного случая исключения анархистами из федерации вора и грабителя, ни одного случая разоружения бандита, никаких попыток бороться с контр-революционными элементами „черной гвардии“.

В итоге такой работы в ночь с 11 на 12 апреля советская власть принуждена произвести пересмотр всех захваченных анархистами особняков, арест всех уголовных и привлечение к ответственности ряда идейных вождей федерации за укрывательство уголовных и бандитов. Подобное же разоружение и освобождение анархистских федераций от уголовных было проделано Советами рабочих депутатов в ряде других городов.

За уголовными тянутся белогвардейцы. Это и понятно, — врагам рабочего класса, капиталистам всего мира выгодно разложение рабочего класса, превращение творящей новую жизнь революции в бандитизм и грабеж. Федерация в ряде номеров своего органа констатирует этот факт, заявляет о своей готовности с ним бороться, но также оказывается бес-

сильной что бы то ни было предпринять против черезчур большого влечения белых к анархистской организации.

„Анархия“, № 34, в своей передовой статье писала:

„За последнее время злоупотребления принимают угрожающие, устрашающие размеры... Нашим именем совершаются гнусности, подлости, низости, убийства, грабежи... Видно ясно, что это не случайные, единичные, между собой не связанные, индивидуальные явления; явно чувствуется „белая ручка“. Злоупотребления систематизированы. Это гнусная, черная, темная работа белой гвардии. Среди грабителей огромный процент бывших кадровых офицеров и людей с высшим образованием... Четко вырисовывается картина провокационной контрреволюционной деятельности — здесь работает контр-революционная организация. Были сделаны с их стороны попытки войти в контакт с федерацией. После ряда неудачных попыток и отвергнутых нами предложений они, наконец, решились действовать самостоятельно, и они действуют“.

В этом признании характерны попытки, даже неоднократные, грабителей, белогвардейцев и офицеров столковаться с русским „единым анархизмом“. Еще характернее, конечно, то, что, несмотря и на это признание, ни одного случая расправы с белыми, пользующимися анархистским именем, ни одного случая помощи Советской власти в их ликвидации.

Большая чрезвычайно много о свободе, о великих лозунгах октябрьской революции, неуклонно противопоставляя большевиков „нынешних“ — большевикам „прежним“, задачи созидания, дисциплины — задачами разложения и разрушения, „единый анархизм“оказывается не в силах приобресть какое бы то ни было влияние в рабочих организациях. Их представителей нет в Советах, в заводских комитетах, профессиональных союзах.

Наиболее характерно — это полное бессилие, растерянность, никчемность, негодность анархистов к какой бы то ни было творческой работе. Читая теперь анархистскую прессу того периода, невольно поражаешься именно этой чертой. Рабочий класс захватил в свои руки заводы и фабрики, уничтожил власть буржуазии, неужели у анархистов не нашлось ни одной творческой задачи в Советской республике? Судя по их газетам, по питерскому „Буревестнику“, по московской „Анархии“ ни одной такой задачи русские анархисты не осознали. Вопроса о тактике в пролетарском государстве не по-

ставили. Вопроса о необходимых изменениях программы анархистских действий в Советской республике по сравнению с республикой буржуазной не осмыслили ни в какой мере. Это непонимание роли рабочего государства, непонимание необходимости радикальным образом пересмотреть все анархистские позиции в новых условиях — является одной из основных причин разложения русского анархизма.

„Единый анархизм“ весны 18 года действовал до известной степени по инерции. Анархисты при правительстве Керенского восставали совместно с большевиками против смертной казни, применявшейся буржуа к рабочим. Весной 18 года они продолжают протестовать против смертной казни, они пишут негодующие статьи против расстрела изменника адмирала Щасного, забывая, что в новых условиях смертная казнь является средством самозащиты рабочего класса против нападения буржуа. При правительстве Керенского и большевики и анархисты захватывали явочным порядком помещения, которые не хотела предоставлять им буржуазия. Анархисты продолжают делать то же в период диктатуры пролетариата, совершенно не желая считаться с тем, что после национализации всех крупных домов задача уже не в том, чтобы захватывать эти дома у самих себя, у своего рабочего государства, а в том, чтобы правильно использовать их и распределить.

Анархисты и большевики протестовали против посылки правительством Керенского казацких отрядов для усмирения крестьян, захватывавших помещичью землю. Большевики тоже посылают отряды в деревню, но это отряды из лучших революционных рабочих и идут они в деревню в помощь бедняку против помещика и деревенского кулака. Анархистам наплевать на это, — они кричат против большевистского насилия над деревней.

Они ставят знак равенства между революционной самодисциплиной рабочего класса и дисциплиной казацкой нагайки. Они ставят знак равенства между правительством буржуазии и правительством рабочего класса. В этом неумении пойти в ногу с пролетариатом России в его творческих задачах — основная причина того, что русский анархизм оказался в рядах белогвардейско-бандитской организации.

12-го апреля заканчивает первый период развития „русского анархизма“. Этот период „валяй - анархизма“ дорого обошелся русскому анархизму. Позиция, занятая

„русским анархизмом“ по отношению к созидательной работе русских рабочих весной 18-го года, определяет все дальнейшие изгибы развития анархистского движения. Мы не будем сейчас следить за ходом разложения „Единого анархизма“ (этому место будет впереди), но перейдем сейчас к течению „Набат“, в котором русский анархизм получает уже ясные и четкие черты.

ГЛАВА II.

Анархизм и Махновщина.

Развитие и судьбы основной русско-украинской анархистской организации „Набат" неразрывно переплелись с „махновским" движением в зажиточном крестьянстве Украины.

Движение Махно возникает в 18 г., как повстанческое движение против режима гетманщины и германского империализма на Украине. Махно впервые появляется в 18 году, как вождь восставших в Гуляйпольском районе крестьян. Удар повстанцев-крестьян, возглавляемых Махно, направляется против гетмана Скоропадского, против желтого Петлюры, против войск Вильгельма.

Махно наносит ряд ударов белым. Махно дезорганизует тыл белых. Удар Махно по белым совпадает с тем ударом, который наносят оккупантам германцам и русским белогвардейцам восстающие украинские рабочие.

В конце 18 года из Екатеринослава белые были выбиты соединенными ударами Махно и героических екатеринославских рабочих. Рабочие, в огромном большинстве большевики, действуют совместно с махновцами, тогда еще не подозревавшими, что они скоро будут об'явлены анархистами единственными носителями анархистской благодати.

Но уже при этом первом крупном успехе Махно, вскрывается слабая сторона махновщины, как партизанского и крестьянского движения. Несколько тысяч махновцев, вошедших в город, заливают Екатеринослав волной пьяного разгула, бандитизма, грабежа и погромов. Все усилия лучших екатеринославских рабочих совладать с этой партизано-крестьянской стихией ни к чему не приводят. Екатеринославскому Революционному Комитету не удается ввести какой бы то ни было порядок и организацию в махновские ряды. В результате: через несколько дней, несколько сот петлюровцев занимают Екатеринослав почти без всяких потерь. Потери екатеринославских рабочих оказались огромными: озверелые белогвардейцы расправляются с повстанцами дико-жестоко. До 2000 рабочих повстанцев было утоплено в Днепре при попытке бежать.

В январе Екатеринослав был взят советскими большевистскими войсками. Красная армия в неделю прошла район, занятый Махно, и двинулась вперед к Черному морю и на восток к Ростову, против белых.

Очевидно, что в этих условиях совершенно меняется роль и значение партизанских отрядов Махно. Им предстоит, в той или иной степени, признав единое командование и единое снабжение, влиться в организацию красной армии, которая уже об'единила к тому времени миллионы рабочих и трудящихся крестьян.

Советское командование и рабоче-крестьянская власть не могут во имя победы над белыми допустить, чтобы организация красной армии срывалась отдельными партизанскими отрядами, захватывающими снаряжение и хлеб в районах своего нахождения, действующими по собственной стратегии, по собственной инициативе, не считаясь с планами командования, не признавая гражданских и военных органов советской власти на территории своего расположения. В направлении постепенного вхождения махновских частей в состав красной армии и развивается работа советского командования.

Вождь партизан — Махно не может, конечно, примириться с таким решением Рабоче-Крестьянского государства. Вождь партизанщины, превратившийся к тому времени уже в батька Махно, саботирует, срывает всеми возможными мерами и способами единую организацию армии, единое командование и единое снабжение.

Вот почва на которой вырос конфликт между Махно и советской властью.

На словах согласившись признать единое командование, Махно фактически не признает его распоряжений, задерживает в своем районе уголь и хлеб, от перевозки которых зависит судьба армии, борющейся с Деникиным соблюдает нейтралитет в борьбе царского полковника Григорьева против советской власти.

Конфликт между Махно и советской властью назревает

такимъ образом неуклонно в течение всей весны 18 года. Конечно, поход Махно против советской власти вызывает раскол в его собственных рядах. От него начинают отходить беднейшее и среднее крестьянство, об'единяемые советской властью. За него начинают усиленно цепляться деревенские богатеи. Махно постепенно, медленно, но неуклонно начинает превращаться из крестьянского вождя в батьку зажиточных крестьян.

Мы подчеркиваем, во избежание неправильного понимания, что этот процесс расслоения крестьян, идущих за Махно, не совершается в дни и недели. Он тянется годы. Но начало ему, начало отделению трудящихся крестьян, идущих за советской властью, от деревенских буржуа, идущих полностью за Махно, кладется первым выступлением Махно против советской власти весною 19-го года.

В этот момент разложения Махно, как вождя единого крестьянского движения, ему приходят на помощь русские и украинские анархисты.

Из различных анархистских групп, связавших свою судьбу в дальнейшие годы с махновщиной, выделяется одна из крупнейших анархических организаций на территории Р. С. Ф. С. Р. и У. С. С. Р. — группа „Набат".

Эта группа с'организовалась в ноябре 18 года в Курске на небольшой конференции из представителей анархистов различных течений. Окончательно же она сложилась на 1-ом с'езде Конфедерации анархических организаций Украины „Набат" в Елисаветграде в апреле 19 года. Большинство вошедших в конфедерацию „Набат" организаций составляют анархо-коммунисты, но одновременно к ней примкнул ряд анархо-синдикалистских групп.

В резолюциях и постановлениях как ноябрьской конференции, так и Елисаветградского с'езда отчеканивается резко отрицательное отношение к рабочему государству.

Исходной точкой такого отношения является своеобразный „анархический максимализм". Курская конференция признает, например, что „Украинская революция будет иметь значительные шансы быстро стать истинно социально-анархической".

Конференция отрицает необходимость какого бы то ни было переходного периода к безвластному анархическому обществу, отрицает необходимость организации пролетариата в господствующий класс в период перехода от капитала к социализму...

Фантазер, интеллигентский мечтатель, сидящий в набатовце, не считаясь с необходимостью для отпора всемирной буржуазии организовать в государственном масштабе сопротивление белым, твердит во всех резолюциях и Курской конференции и Елисаветградского с'езда: можно и нужно немедленно у нас на Украине, у нас в России перескочить перед лицом Антанты к анархическому безвластному обществу...

Практик и партизан, сидящий в том же набатовце, делает из первого логический вывод: раз можно совершить в России и на Украине в конкретных русских и украинских условиях этот прямой переход от царства буржуазии к безвластному анархическому обществу, то очевидно основной помехой этому переходу являются государственники-коммунисты, организовавшие пролетариат в господствующий класс и нежелающие немедленно ликвидировать советскую власть и перейти к безвластному обществу...

Отсюда лозунг Елисаветградского с'езда „никаких компромиссов с советской властъю".

Курская конференция, происходившая во время занятия Украины германскими войсками, отношение к Советской власти формулирует еще довольно туманно:

„Анархист долженъ постоянно и упорно агитировать за создание **вместо** нынешних Совдепов, истинных Советов Рабочих и Крестьянских Организаций, беспартийных и безвластных подлинных, об'единяющих местные организации по предприятиям и действительно способных осуществлять организацию нового строя"...

Хотя из этой резолюции уже очевидно, что набатовцы не желают в своей работе исходить из советской организации, из существующих рабочих Советов, но желают вместо существующих Советов, (в обстановке гражданской войны „вместо" значит против) создавать свои организации, но все это выражено еще достаточно туманно.

Резолюция Елисаветградского с'езда говорит уже об отношении к Советам с гораздо большей контр-революционной откровенностью. В резолюции по вопросу „о положительной работе анархистов", пункт второй „а", второго раздела гласит:

„В виду того, что так называемое „Советы Депутатов" превратились ныне окончательно и повсеместно в политические

органы демократического парламентаризма, покоющиеся на началах Власти, Государственности, Управления и мертвящей централизации сверху, — **С'езд высказывается окончательно и категорически против вхождения в них анархистов**" (Подчеркнуто в оригинале, „Набат", № 13, 1-го Мая 1919 г.— Я. Я.).

Кременчугский с'езд федерации „Набат" предусматривает неизбежность грядущего стремления трудящихся масс высвободиться из под гнета новой, советской власти и, следовательно, неизбежность борьбы между отстаивающей себя властью и стремящимися к самостоятельному свободному творчеству и полному раскрепощению трудовыми массами"...

Группе „Набат" нельзя отказать в большой логической последовательности. Если никакого переходного момента от буржуазного капиталистического строя к анархическому коммунизму нет, а есть непосредственное строительство самой анархической коммуны (Декларация Курской конференции), если на пути к этому анархическому коммунизму стала организация советской власти, если Советы и остальные рабоче-крестьянские организации не могут служить делу создания безвластного общества, если неизбежна и необходима для достижения анархического идеала решительная борьба с рабочим государством, то нужно найти, и найти немедленно, те силы, которые смогут немедленно анархический идеал осуществить.

Такой силой, годной для свержения советской власти и для осуществления анархическаго идеала, Курская конференция и Елисаветградский с'езд Конфедерации „Набат" признают повстанчество и **в частности махновщину.**

Курская конференция, которая происходит непосредственно после горького опыта анархистской работы весны 18 года, еще сравнительно осторожна. Она в частности отказывается от создания специально анархистских отрядов и рекомендует анархистам вливаться в общие рабочие и крестьянские партизанские отряды. Но в то же время идеализация партизанщины безгранична. Об этом свидетельствует хотя бы то, что конференция собиралась через повстанческие отряды „будить в населении сознательное сочувствие анархистской идее и организации".

Елисаветградский с'езд говорит уже прямо и решительно:

„Никакая принудительная армия, в том числе и красная, —не может считаться истинной защитницей Социальной Революции".

Красной армии Советского Государства противупоставляется **„повстанческая армия", „организуемая снизу".**

Фактический вывод из этого — ориентация на махновщину, всемерная поддержка махновщины, идеализация махновщины и, наконец, подмена всех остальных задач анархизма попыткой немедленного осуществления анархического идеала через махновское повстанчество.

Мы можем проследить по „Набату", органу конфедерации анархистских организаций Украины, об'единившихся на апрельском Кременчугском с'езде, как заливает махновщина тот „единый анархизм", который получился в результате с'езда.

№ 16 „Набата" дает свое благословение всякому восстанию против Советской власти:

„Всякое восстание, которое вытекает из недовольства трудовых масс властью, есть по существу своему восстание революционное, потому что инстинктивно, сами по себе, трудовые массы всегда больше клонятся влево, чем вправо".

А восстания помещиков, капиталистов, белогвардейские заговоры, отнюдь не клоняющиеся влево, разве не были народными в том смысле, что всегда восставал одураченный народ, служивший пушечным мясом для бар? Почти во всех контр-революционных восстаниях — дерется, стреляет, убивает и умирает **„народ"**, — помещики же и генералы только приказывают, организовывают и пользуются плодами побед.

№ 21 того же „Набата" весь занят оправданием борьбы Махно с советской властью. Из того, что советская власть не согласилась на срыв революции через разложение красной армии партизанщиной, делаются выводы, полные слепой ненависти к рабочей власти:

С первых дней января 19 года, к Махно направляются новые группы махновцев. Анархисты организуют реввоенсовет при Махно и военно-революционный комитет в Гуляй-поле из своих сторонников. Махновцы всеми мерами превращаются из партизан, свергавших гетмана — в „носителей Анархического Идеала", т. е. фактических борцов против советской власти. Махновцы провоцируются анархистами всячески на борьбу против советской власти.

К махновцам, как естественным защитникам анархизма, обращается конфедерация „Набат" с просьбой защитить ее от нападений советской власти, вызывая махновцев на вооруженное выступление против Советов.

В Екатеринославе, где имя анархистов связалось с уголовщиной весной 18 года и нелепой гибелью сотен рабочих в декабре 18 года, не была допущена в феврале 19 года лекция анархиста Барона. В ответ секретариат „Набата“ 10 февраля 19 года, зовет махновцев к выступлению против советской власти:

„Телеграмма Гуляй-Польскому военно-полевому штабу имени батька Махно. Товарищи повстанцы! В то время, как вы беззаветно кладете ваши головы, добывая хлеб и волю измученным крестьянам и рабочим Украины, новое большевистское правительство начинает расправляться с революционными рабочими организациями.

Секретариат Конфедерации анархистских организаций Украины „Набат“ уверен в том, что вы найдете достаточно выражения для протеста против действия Екатеринославского Исполкома, министра Аверина (председателя Екатеринославского Совета. — Я. Я.) и их начальства, Рабоче-Крестьянского Правительства Украины“.

Просим читателей не забывать, что в обстановке бешеной гражданской войны протест вооруженных людей не может не быть вооруженным протестом, т. е. вооруженной борьбой.

Мы можем проследить из номера в номер „Набата“, как постепенно „единый анархизм“ превращается в правительственную партию махновщины, как этот „единый анархизм“ насыщается кулацко-махновским содержанием.

Мы говорили уже о том, что по мере обострения отношений Махно к советской власти, — от Махно начинают откалываться беднейшие и средние элементы крестьянства, и соответственно вся идеология, все лозунги махновщины становятся все более кулацкими и отвечающими интересам зажиточных крестьян.

Тот же номер „Набата“ в длиннейших статьях требует отмены всякого хлебного налога на крестьян, требует от имени **„народа“**, чтобы крестьянин получал за свой хлеб „рубль за рубль“.

Это — на первый взгляд очень невинное и вполне справедливое требование, — не может не быть контр-революционным в тех условиях, когда городская промышленность разрушена шестью годами войны и без продовольственнаго налога, без некоторой ссуды крестьянина — рабочему обойтись нельзя.

„Набат“ из номера в номер печалится об обидах, чинимых крестьянину, обсасывает и раздувает каждый отдельный случай того или иного **безобразия**, учиненного тем или иным агентом власти до гигантских размеров, создавая обстановку оправдания противосоветских восстаний.

Мы перестаем видеть в „Набате“ какие бы то ни было сообщения из рабочей жизни — их целиком заменяет вопль крестьянского буржуа против диктатуры пролетариата.

Не отстают от харьковских анархистов и анархисты других местъ Одесский „Набат“ в № 7 от 16-го июня содержит семь статей: 1) „Правда о Махно“, 2) „Чего добиваются повстанцы махновцы“, 3) „Еще о Махно“, 4) „Как наладить товарообмен“, 5), „Революционный барометр“, 6) „Путь к анархическому коммунизму“, 7) „Пролетарский парламент“. Первые пять статей, занимающие почти всю газету (три с половиной страницы из четырех), посвящены исключительно Махно, его защите, его восхвалению, защите интересов крестьянства, — а о рабочих ни слова.

Первая статья, „Правда о Махно“ известного анархиста А. Барона, из факта умирания махновщины делает вывод: „Товарищ Махно ушел. Большевики торжествуют. Революция умирает. Вступает в свои права обнаглевшая реакция“.

Вторая статья — воззвание, подписанное батьком Махно, — всем своим содержанием представляет призыв к красной армии бороться против советской власти.

Третья статья: „Еще о Махно“ на двух страницах рассказывает о том, как Махно боролся за Анархическую Коммуну и как большевики государственники эту коммуну погубили...

Четвертая статья: „Как наладить товарообмен“ анархиста Коваленко требует от имени крестьян: „немедленно удовлетворить нужды крестьян, и они не замедлят вам ответить тем же... Дайте им то, что нужно,и они вам дадут то же“...

Пятая статья рассматривает еще раз историю махновского дмижения и кончает признанием: „Троцкий решил покончить с Махно, как с анархистом... Революционный барометр совершенно опустился. Он показывает наличие реакции“...

И только на четвертой странице приютилось несколько строк скучнейших интеллигентских теоретических рассуждений об анархическом коммунизме.

Мы останавливаемся на этих мелочах только потому, что они лучше каких бы то ни было резолюций анархистов уста-

навливают тот факт, что анархисты солидаризовались полностью с борьбой Махно против советской власти, превратились полностью в слуг махновского движения. Анархисты приняли войну Махно против советской власти, как воплощение борьбы „вольной Трудовой Коммуны с государственным полицейским началом, борьбы свободного крестьянства с государственниками большевиками („Набат“ № 22, от 7 июля 1919 г.), — в этом суть, **в этом основная причина усилившегося дальше гниения анархизма.**

Махно не дурно усваивает анархические уроки. Одежда, приготовляемая „Набатом“, оказывается прекрасно сидящей на повстанцах крестьянах, когда они повернули свое оружие против своего государства. Резолюции совещаний и конференций в лагере Махно становятся все более и более „анархистскими“, все чаще списываются с „Набата“, все чаще пишутся анархистами. В отношении резолюций анархисты достигают в лагере Махно успеха огромного — Махно начинает любое свое действие описывать цитатами из Прудона и Бакунина.

Привожу к примеру резолюцию 3-го районного с'езда преставителей махновских воинских частей и махновских крестьянских организаций 10-го апреля 1919 года в селе Гуляй-Поле.

„С'езд протестует против реакционных приемов большевистской власти, расстреливающей крестьян, рабочих и повстанцев (?). С'езд требует проведения правильного свободного выборного начала...

С'езд требует замены существующей продовольственной политики — правильной системой товарообмена.

С'езд требует полной свободы слова, печати, собраний, **всем политическим левым** течениям, т. е. партиям и группам и неприкосновенности личности работников партий левых революционных организаций и вообще трудового народа...

Долой комиссародержавие! Долой однобокий большевистский Совет!“ („Набат“ № 14 от 5 мая 1919 г.).

Мы видим, что махновцы действительно очень недурно усваиват набатовский язык.

Как же обстоит с их практикой?

В апреле 1919 года Деникин начинает удачные наступления на советскую Россию, занимает ряд городов и угрожает Екатеринославу и Харькову. Утомленные предыдущей неслыханно-тяжелой кампанией, красные войска дрогнули. В такой

обстановке ожесточеннейшей гражданской войны рабочих, поддерживаемых крестьянами, с буржуазией выбор был только между Деникиным и советской властью. О замене советской власти развернутым анархическим строем казалось бы не могли думать и самые пламенные анархисты. Тем не менее они думали, не только думали, но и действовали. Начиная с марта месяца, Махно систематически не выполняет приказов боевого командования. Под непосредственным нажимом Деникина, когда десятки тысяч красноармейцев боролись с превосходными силами наступащего неприятеля, махновско-анархистский Реввоенсовет решает созвать 15 июня новый с'езд в Гуляй-Поле для окончательного формирования в своих пределах анархистского государства.

Перед советской властью вопрос жизни или смерти: или противопоставить армии Деникина — организованную, дисциплинированную и сознательную силу красной армии или погибнуть.

2-го июня тов. Троцкий пишет статью о махновщине, где говорит четко и ясно: „во имя победы — с анархо-кулацким развратом пора кончить и кончить твердо“.

4-го числа революционный военный совет республики издает за подписью тов. Троцкого приказ за № 1824, запрещающий тот Гуляй-Польский с'езд, который аМхно собирал перед лицом Деникина для оформления своей республики и который должен был дать новый мятеж в духе Григорьевского и открытие фронта белым.

В ответ на этот приказ Махно фактически открывает фронт Деникину, снимаясь со своими частями с того участка фронта, который они держали. Махновский район без всяких потерь захватывается белогвардейской кавалерией Шкуро и, таким образом, белые, на огромном участке выходят в тыл красным войскам, начиная новое наступление на Советскую Республику в чрезвычайно выгодных для себя условиях.

Своего плана — немедленного осуществления анархизма — анархо-махновцы не ограничивают этим.

В период последовавшего дальше неслыханно тяжелого отхода красных войск, отрезанных на юге от северных армий, через кольцо петлюровцев и белогвардейцев, махновские части, ушедшие, с фронта в глубокий тыл, разоружают и грабят красноармейцев, захватыват обозы отступавших от Одессы дивизий, убивают и расстреливают захватываемых одиночек...

Достаточно было Деникину несколько недель поцарствовать на Украине, чтобы возбудить против себя массовую ненависть всего крестьянства. И Махно, поскольку он еще сохраняет некоторые связи с крестьянской массой, увлекаемый стихией крестьянского восстания, вынужден поворотить свое оружие против Деникина.

Огромную часть Украины охватывает противоденикинское крестьянское восстание со всеми его сильными и слабыми сторонами. Разгорается типичная крестьянская партизанская война, сегодня подымающая тысячи против помещика, звтра не могущая склотить десятка, умеющая больно ранить врага, но не умеющая его убивать, умеющая захватывать деревни и города, но не умеющая их удерживать, умеющая ночным налетом снять пикет неприятеля, но ничего не могущая поделать с организованным врагом.

Для отдельных партизанских выступлений против Деникина обстановка сложилась чрезвычайно благоприятная, поскольку Деникин принужден был двинуть из тыла все свои вооруженные силы для отпора красным, начинавшим свое наступление с севера. И в этой благоприятнейшей обстановке махновщина выявляет и сильные и слабые стороны своей военной организации: свою неуловимость, как партизанской силы, для врага и одновремнно свою неспособность нанести врагу сколько-нибудь серьезный удар. Но особенно четко махновщина в этот период проявляет полное творческое бессилие.

В момент решительного нажима красных с севера, махновцам удается занять Екатеринослав. Анархисты около полутора месяца оказались полными хозяевами Екатеринослава. Они имели полную возможность в городе, насчитывающем несколько десятков тысяч рабочих металлистов, притом связанного с окружащей махновски настроенной деревней, дать пример или по крайней мере попытку анархического социального творчества.

Они не допускают в Екатеринославе организации „однобокого большевистского Совета“, они расстреливают в Екатеринославе 12 собственных командиров во главе с большевиком Полонским, пытавшихся организовать в Анархическом государстве рабочий Совет.

Они, отвергавшие большевистские Советы во имя вольных Советов, назначают в Екатеринославе коменданта, который воплотил в себе всю гражданскую и военную власть, который неограниченно царствовал, казнил и миловал, о действиях которого и по настоящее время могут рассказать сотни ограбленных домов и магазинов, сотни изнасилованных женщин, сотни убитых за большевизм рабочих...

Рабочие Екатеринослава несколько месяцев не получали жалованья от Деникина. Они искали путей спасения от голодной смерти и анархистско-комендантской республики.

Екатеринославские железнодорожники и телеграфисты линии Екатеринослав-Синельниково обращаются к Махно с просьбой поддержать их, выдать им продовольствия и денег.

Ответ они получают классический: мы не большевики, **чтобы вас кормить от государства, нам дороги не нужны, если они нужны вам, берите хлеб с тех, кому нужны ваши дороги и телеграф.**

На Брянском заводе рабочими чинится броневик для Махно. Рабочие требуют уплаты за труд. Махно на их требований пишет резолюцию: „Ввиду того, что рабочие не желают поддерживать махновцев и требуют слишком дорого за ремонт броневика — забрать у них броневик бесплатно“.

Эти примеры осуществления безвластного государства помнит каждый екатеринославский рабочий.

После разгрома Деникина советскими войсками, Махно попадает опять в район действий красных войск. Советское командование, учитывая необходимость дальнейшей борьбы с остатками Деникина и с наступлением Польши, из'являет согласие допустить существование частей Махно под условием их реорганизации и подчинения боевым приказам красного командования. В это время уже обозначилось наступление шляхетской Польши на Советскую Россию: Реввоенсовет 14-ой армии отдает 8-го января 1920 года приказ Махно немедленно выступить по маршруту Александрия—Черкассы—Борисполь—Бровары—Чернигов—Ковель.

Положение прошлогоднее: или Пилсудский с Врангелем или Советская власть. Рабочая и крестьянская масса это поняла всюду и несмотря на холод, голод и истощение, — шла на мобилизацию, несла тяжелые повинности, выполняла неимоверно тяжелую разверстку во имя победы советской власти над Врангелем и Пилсудским.

Какую позицию мог и должен был занять анархистский реввоенсовет? Его положение было затруднительным, поскольку анархисты руководители махновского движения, не могли не

понимать, что новое выступление против Советской власти их отметет окончательно в лагерь контр-революции.

Они колебались сначала и пошли на переговоры.

22 января 1921 года состоялось свидание делегации Реввоенсовета 14-ой армии с делегацией Махно.

Советское командование пыталось взывать к революционному сознанию анархистских вождей армии Махно. Но Махно выдвинул старое требование „сохранения за своей армией полной самостоятельности“ и отказался выполнить боевой приказ о переводе на польский фронт.

Поскольку в этот момент вся мировая буржуазия отказывала в самостоятельности даже разнонациональным белым организациям, борющимся с Советской Россией, об'единяя Врангеля, Семенова, Петлюру и Пилсудского единым командованием и единым снабжением, — со стороны Советской Республики было самоубийством соглашаться на подобное самостоятельное существование в неприкосновенном виде отрядов Махно.

После некоторого колебания махновцев, анархисты отказываются выполнить приказ о переходе на польский фронт и двигаются в тыл красной армии, борющейся с Врангелем и панской Польшей.

Мы проследим сейчас в самых кратких чертах деятельность анархо-махновского Революционного военного совета в течение последовавших месяцев борьбы его с государственной властью. В течение нескольких месяцев Махно проделывает рейд по Александровской, Екатеринославской, Полтавской, Харьковской и Донецкой губерниям, осуществляя по пути анархические лозунги „Вольных и безвластных Советов“, „Вольного труда“ и т. д. и т. п.

Почти целый год просуществовала эта анархическая республика на колесах. Во имя спасения своей идеи анархисты принуждены были заниматься не только разоружением красных частей, не только разгромом продовольственных баз, не только убийством коммунистов, но и некоторой положительной работой.

Для установления „Вольных Советов“ приходилось прежде всего уничтожать существовавшие большевистские Советы. Эта сторона анархического строительства была поставлена прекрасно в сотнях сел и ряде уездных городов Украины. О том, как это делалось, прекрасно рассказывает с полной искренностью и простосердечием дневник жены Махно, учительницы Федоры Гаенко, захваченной в одном из боев с Махно:

23 февраля 1920 года. Наши хлопцы схватили большевистских агентов, которые были расстреляны...

25 февраля 1920 года. Переехали в Майорово. Там поймали трех агентов по сбору хлеба. Их расстреляли.

1 марта 1920 года. Скоро приехали хлопцы и известили, что взят в плен командир красноармейцев Фидюкин. Батько послал за ним, но посланец вернулся и сообщил, что хлопцы не имели возможности возиться с ним раненым и, по его просьбе (?), расстреляли его.

7 марта 1920 года. В Варваровке батько совсем напился и стал ругаться на всю улицу нецензурной бранью. Приехали в Гуляй-Поле, здесь под пьную команду батька стали делать что-то невозможное: кавалеристы стали бить плетками и прикладами всех бывших партизанов, встреченных на улице. Приехавшие, как сумасшедшая орда, несутся на лошадях, налетают на невинных людей и бьют их... Двум разбили голову, одного загнали в реку... Люди напугались и разбежались.

2 февраля 1920 года. Ночью сегодня хлопцы взяли два миллиона денег и сегодня выдано всем по 1000 рублей.

14 марта 1920 года. Сегодня переехали в Великую Михайловку, убили здесь одного коммуниста“...

Кто же эти расстреливаемые в каждом селе коммунисты? Это члены местных советов и члены местной организации деревенской бедноты, члены комитетов незаможных (бедных) крестьян.

Особо безжалостно расправлялись анархо-махновцы с организациями крестьянской бедноты, видя в них особо опасные для себя органы пролетарской диктатуры.

На всеукраинском с'езде комитетов незаможных крестьян вскрылась картина того, как сами бедняки крестьяне своими слабыми силами сопротивлялись натиску махновцев и как махновцы безжалостно уничтожали членов комитетов незаможных крестьян, расстреливая их, спуская их в прорубь, зарубая топорами...

Дневник жены Махно показывает, как дело уничтожения рабочих и коммунистов превратилось в обиходное занятие анархо-махновцев.

Для образца методов осуществления анархо-махновцами „Вольных Советов“ приведем несколько наугад взятых выдер-

жек из сводок штаба Украинского фронта, рассказывающего эпическим военным языком про анархо-махновские дела.

5-го апреля. На ст. Зайцево Махно прервал телефонное и телеграфное сообщение, разебрал путь впереди и сзади поезда № 433, находившееся в поезде имущество ограбил, а обнаруженных коммунистов изрубил...

8 июня. На ст. Васильевка Махно взорвал железнодорожный мост.

13 июля. Махно произвел налет на ст. Гришино, продержался 3 часа, расстрелял 14 захваченных работников и рабочих советских, уничтожил телеграф и разграбил продовольственный склад железнодоржников...

26 июля. Ворвавшись в Константиноградский уезд, Махно в течение 2-х дней изрубил 84 красноармейцев.

12-го августа. Ворвавшись в Зеньково, Махно изрубил 20 человек членов К. П. У. и 7 работников сельских и рабочих организаций...

16-го августа. На железнодорожном участке Миргород-Гоголево Махно в трех местах взорвал железнодорожный путь.

16-го августа. Захватив Миргород на полтора дня, махновцы разграбили все склады упродкома, уничтожили помещения советских и рабочих организаций, изрубили 15 телеграфных аппаратов, зверски убили 21 рабочего и красноармейцев. В ограблении города анархо-махновцам помогали окружные кулаки, прибывшие из соседних сел на подводах.

12 декабря 20 года налет на Бердянск. Анархо-махновцы в течение 3-х часов под предводительством самого Махно зарубили и зарезали 83 коммунистов, в том числе одного из лучших работников Украины Махаловича, выворачивали руки, отрубали ноги, распарывали животы, закалывали штыками, зарубали топорами.

2 июня 21 года. Махно занял ст. Гоголево, отцепил паровоз от стоявшего состава, пустил его на другой поезд—в результате паровоз и состав разбиты.

17 июня 21 г. Банда Махно прошла на хутор Маячка и уничтожила линии связи и разбила аппараты.

30 июня 21 г. Банда анархо-махновцев в 40 верстах от Новомосковска сожгла экономию.

6 июля 21 г. Отряд Махно взорвал железнодорожный мост через реку Орелка.

6 июля. На ст. Ново-Санисары группой анархо-махновцев разграблен поезд № 304, паровоз пущен на состав поезда № 99, разбито несколько вагонов, убито несколько десятков человек.

16 декабря 20 г. На участке Синельниково — Александровск пущен под откос поезд — убито около 50 рабочих, красноармейцев и коммунистов".

Мы могли бы этот список анархо-махновских деяний увеличить до бесконечности, ибо каждый шаг Махно ознаменовывался зверскими убийствами рабочих, диким уничтожением народного имущества, железной дороги, телеграфа, массовым разграблением городов в угоду жадным соседним сельским буржуа.

„Никаких большевистских властных организаций". Эту идею проводили анархо-махновцы неуклонно. А поскольку махновцам приходилось для управления захваченными территориями Республики создавать соответствующие органы и поскольку одновременно большевистские организации бедных и средних элементов деревни уничтожались, — задачу формирования органов власти в махновском государстве с удовольствием брал на себя деревенский буржуа.

Деревенский буржуа, богатей украинского села, кулак создавал свои органы власти по самым простым рецептам, выделяя в эти органы наиболее испытанных слуг старых полицейских режимов.

Как правило, село, освобожденное от власти, „однобоких" большевистских Советов и попадавшее под иго деревенской буржуазии, выделяет под фирмой безвластных Советов или царских старшин и жандармов, или петлюровских голов, или богатейших крестьян, или наконец, отдельных командиров и комендантов махновской армии.

В городах анархо-махновцы заменяли большевистские однобокие Советы — „безвластными и вольными Советами" по еще более простому рецепту. Назначали самодержавного коменданта. Мы уже видели пример осуществления этой идеи в Екатеринославе.

Мы видели по резолюциям конференции „Набата" и Гуляй-полского махновского с'езда, какое огромное значение придавали анархисты идее выборности в армии, противопоставляя махновские отряды с выборным командным составом большевистской красной армии с назначаемым Советской властью командным составом.

О том, во что превратилась эта выборность командного состава рассказывает тов. В. Иванов, посетивший в сентябре 1920 года ставку аМхно в качестве уполномоченного Реввоенсовета Южного Фронта. Вот его характеристика, никем из анархистов позже не оспаривавшаяся:

„Режим держимордский, дисциплина железная, повстанцев бьют по морде за малейшую провинность, выборности командного состава никакой, все командиры вплоть до ротных назначаются Махно и анархистским революционным военным советом. Реввоенсовет превратился в несменяемое, никем не контролируемое и никем не избираемое учреждение. При Реввоенсовете существует „Особый отдел“, расправляющийся с неповинующимися тайно и беспощадно“...

Так, отказываясь от организованного построения армии по образцу красной армии, анархисты создают военную силу, в которой сочетались наихудшие черты палочной дисциплины царской армии с бандитским разгулом гайдамачины, а от красной армии взята только идея политотдела, преобразованного Махно в анархистский Культурно-просветительный отдел.

Наши политотделы в армии пользовались всегда особо сильной ненавистью со стороны анархистов, как органы, воплощающие политическую и идейную гегемонию Коммунистической Партии, политическое и идейное руководство Коммунистической Партией рабоче-крестьянской массы.

Жестокая логика гражданской войны заставляет анархистов стать во главѣ культотделов махновской армии, выполняющих в целом против советской власти всю ту работу, которую в красной армии ведут политотделы против белых, т. е. работу организации, сплочения, политического просвещения, поддержания сознательной ненависти к врагу...

Не лучше, чем с „вольными Советами“ и выборностью командного состава дело обстоит и с идеей вольного хозяйственного строительства и обмена. Привожу отдельные выписки из сводок местных продовольственных комитетов за 1920 год:

„В Изюме Махно выпускает захваченный в продовольственном комитете хлеб на рынок по 200 руб. за пуд.

В Старобельском уезде Махно раздает крестьянам захваченный на ссыпных пунктах хлеб бесплатно...

В Зенькове Махно раздает бесплатно захваченныѣ на сахарном заводе сахар...

В Миргородском уезде Махно раздает крестьянам бесплатно захваченные в городе мануфактуру, нитки, галантерею...

В Циглеровке сахар раздается населению по 5 руб. за фунт“...

То же делается с мебелью из городов, с кожей с кожевенных заводов, с железом, с граммофонами, роялями, стульями и столами, подушками, перекачиваемыми бесплатно из разграбленных городов окрестным деревенским буржуа.

Образец разрешения анархо-махноцами рабочего вопроса мы видели уже на Екатеринославском примере.

Заставляет ли этот горький опыт немедленного осуществления идеала анархического безвластия анархистов пересмотреть свое отношение к Советам, красной армии, к участию в хозяйственном строительстве советской власти?

Ответ на этот вопрос дают резолюции 3-ей Конференции Конфедерации анархических организаций Украины „Набат“ (3—8 Сентября 1920 г.).

Эта конференция по словам легальной газеты „Набат“ от 4-го ноября „прошла под флагом организации сил для грядущей революции и приспособления тактики и организации к условиям подполья“ („Набат“ № 1—28, 4-ое Ноября 1920 г.).

Отношение к Советам и к красной армии — еще ближе к деникинскому, чем это было в резолюциях Курской конференции 18 г. и 2 Елисаветградской конференции (1-го с’езда) 1919 года.

„Отношение анархистов к красной армии должно быть отрицательным, как и ко всякой другой государственной армии, мы не должны ее считать революционной потому, что красная армия не выполняет в сущности революционного дела на внешнем фронте, а внутри страны является главным оплотом реакции. Участие анархистов в красной армии с целью защиты революции считается делом, способствующим обману и заблуждению масс и враждебным целям революции“.

Отношение к Советам формулируется с ясностью, которой может позавидовать и Милюков:

„Принимая во внимание, что Советская власть стала могильщицей революции, что война Советской власти с буржуа и белогвардейщиной не может служить смягчающим обстоятельством в нашем отношении к Советской власти... Конфедерация „Набат“ призывает всех анархистов и честных революцио-

неров к решительной непримиримой борьбе с Советской властью и ее институтами, не менее опасными для дела социальной революции, чем другие, менее прикрытые ее враги, Антанта и Врангель“...

Не только Советы, но даже профессиональные союзы, даже фабрично-заводские комитеты не могут служить, по мнению конференции, исходным пунктом в анархистской работе:

„В настоящее время работать в правлениях и Советах, профсоюзах—означает быть жандармом или слепым орудием правящей партии и поэтому конференция предлагает товарищам бойкотировать всевозможные правления и Советы, отдать свои силы рабочим низам... создавая нелегальные анархические группы на предприятиях, чтобы вызывать рабочих на сопротивление чиновникам рабочего государства“...

Так же формулирует конференция свое отношение и к фабрично-заводскимъ комитетам.

„Современные фабзавкомы совершенно лишены революционного смысла... участие вних анархистов возможно в каждом отдельном случае... чтобы способствовать более успешному ведению анархической пропаганды“...

Подобным же образом конференция разделывается с кооперативами. Из всего этого белогвардейского бреда конференция делает вполне логический вывод:

„Способствовать укреплению советского аппарата — не значит способствовать укреплению революции, а скорее наоборот“.

Мы видим в резолюциях этой конференции развернутую программу анархического максимализма. Она слишком ясна и проста (организация революции против советской власти, бойкот Советов, профсоюзов, рабочих кооперативов и красной армии, разложение всех этих основных форм рабочего движения) и не нуждается ни в каких раз’яснениях с нашей стороны.

Напомним только, что в дни, когда писались эти резолюции, рабочие массы Украины и России с огромной выдержкой и героизмом, голодные, усталые и раздетые защищали оплевываемое анархистами рабочее государство от войск Польши, стоявших под Киевом, и войск Врангеля, ворвавшихся в Центр угольного Донецкого царства — Юзовку.

Некоторый просвет в постановлениях этой конференции представляет резолюция (принятая, правда, незначительным большинством) по отношению к махновщине, предостерегающая против чрезмерной идеализации махновщины и призывающая к органической работе в махновских низах, „ядро которых, усвоившее лозунги безвластия, может стать одним из активных отрядов пропаганды анархических идей“...

Этот проблеск оказывается слишком кратковременным и уничтожается совершенно анархистской практикой уже через несколько недель.

Политическое положение становилось все более критическим. Советской России и Украине угрожает реальная опасность. Захват Врангелем Донецкого бассейна означал бы остановку железных дорог и непоправимый удар Республике. Рабочая и трудящаяся масса делает попрежнему свой выбор: за советскую власть — против Врангеля и Пилсудского. Белогвардейские результаты работы Махно все более обнаруживаются. Врангель широчайшим образом популяризирует Махно, как своего сотрудника и помощника. Белогвардейские партизанские отряды, формируемые Врангелем, действуют под махновским флагом. Появляется целый ряд врангельских командиров, вроде Яценко, которые действуют, как командиры партизанских отрядов „имени батьки Махно“. Этими командирами выпускаются воззвания, где нет уже ни слова о безвластном обществе, —за то есть очень много слов о русской армии Врангеля, о Святой Руси и о необходимости беспощадно бить комиссаров, коммунистов и жидов.

В самих махновских частях, утомленных непрерывной безуспешной и безрезультатной борьбой с советской властью, начинается брожение. Махновским генералам от анархизма грозит опасность превратиться в генералов без единого солдата. Еще недели такой же непримиримой политики к советской власти и махновцев будут гнать из каждого села, к махновцам крестьяне будут относиться так же, как относятся к Врангелю. Махновские низы требут соглашения с советской властью.

Перед анархическими вожаками встает вопрос: или, следуя резолюциям последней конференции „Набата“, продолжать свою роль авангарда Врангелевской армии, или попытаться хотя бы на время борьбы с Врангелем, хотя бы для вида, войти в соглашение с советской властью.

Анргхо-махновцы выбирают второе.

В октябре 20 года махновский Реввоенсовет обращается в Реввоенсовет Южного фронта с предложением своих услуг в

деле борьбы с Врангелем на основе оперативного подчинения командованию красной армии.

Советское правительство и военное командование красной армии принимает это предложение Махно.

Это предложение Махно принимается, чтобы:

1) Освободить тыл красной армии от махновских отрядов, во имя немедленной победы над Врангелем;

2) Чтобы еще и еще раз показать средним слоям украинского крестьянства, что борьба советской власти с Махно означает борьбу не с трудящимся крестьянством, а с кулаческой противосевтской верхушкой махновщины.

Советское правительство Украины и военное командование учитывали возможность и даже неизбежность нового выступления Махно против Советской власти, но в то же время ясно сознавали, что это новое выступление кулацкого батька оставит за Махно даже из тех 12.000 партизан, которые шли еще за ним, лишь сотни и окончательно изолирует его от украинского села.

Командующим Южным фронтом Фрунзе и членами Реввоенсовета южного фронта Бела Куном и Гусевым, с уполномоченными Совета и командирования Реввоенсовета повстанцев махновцев, Куриленко и Поповым подписывается соглашение по военному вопросу, согласно которому махновские части, сохраняя свою внутренюю организацию, подчиняются командованию советской армии.

Представителем советского правительства Украинской Социалистической Республики Я. Яковлевым и представителями командования Совета махновцев, Куриленко и Поповым подписывается соглашение по политическому вопросу, согласно которому махновцы и анархисты получают свободу пропаганды своих идей, но без всякого призыва к насильственному ниспровержению советского строя.

Посмотрим теперь, как проводилось это соглашение обоими сторонами. Советское правительство немедленно отвело от махновских частей наши части, боровшиеся с ними, об'явило амнистию анархистам и махновцам за прошлые преступления, освободило из тюрем сидевших там анархистов, предоставило анархистам возможность издания в Харькове газеты „Набат", органа секретариата анархистской федерации Украины и „Голоса Махновца" — органа революционных повстанцеы Украины (махновцев).

О выполнении соглашения со стороны Махно говорит приказ и воззвания командующего Южным фронтом тов. Фрунзе от 24 декабря 1920 года: Махно и его штаб, послав для очистки совести против Врангеля ничтожную кучку своих приверженцев, предпочли в каких то особых видах остаться с остальными бандами на фронтовом тылу. Махно — спешно организует и вооружает за счет нашего трофейного имущества новые отряды.

А в тылу махновцами проделывается следующее: 12 ноября в селе Михайловке убиты и раздеты догола 12 красноармейцев; 16 ноября в селе Пологи махновскими частями ограблено несколько красноармейцев 124-ой бригады, ехавшие за оружием в артиллерийскую летучку; 17 ноября в селе Пологи отряд 2-го конного Махновского полка раздел и пытался убить командира взвода 376 полка; 21 ноября в деревне Вербная ограблен 3-й артидивизион 42-ой дивизии; 21 ноября в селе Гуляй-Поле командир 4-го Махновского полка отобрал у хозяйственной части 373 полка 35,000 винтовочных патронов, 15 винтовок и пулетеы; 1 ноября в селе Ивановке махновцами убито шесть красноармейцев 2-й смешанной Кавказской бригады; в районе села Жеребец махновцами разграблен Отдел снабжения 23-й дивизии и произведен налет на транспорт Интернациональной бригады, ранен командир транспорта и несколько красноармейцев...

Не приняв фактичетки участия своими основными силами в бою с Врангелем, а сосредоточив их в Гуляй-Польском районе и разбросав отдельными отрядами по Екатеринославской и Полтавской губерниям, вопреки подписанному соглашению, Махно пытается проводить насильственную мобилизацию крестьян в свои отряды...

Анархисты в этот момент настолько солидаризируются с махновским Реввоенсоветом, что руководителем и ответственным уполномоченным политической делегации армии Махно является анархист Волин, один из наиболее ответственных и образованных руководителей русского анархизма.

Не лучше выполняет соглашение и федерация „Набат". Ее центральный орган (№ 1 от 4 ноября и 2 от 15 ноября 20 г.) помещает резолюции вышеупоминавшейся сентябрьской конференции, весь смысл которых сводится к призыву свергнуть Советскую власть вооруженным путем.

Несмотря на то, что положение радикально изменилось, что анархисты были освобождены из тюрем, что анархистские организации вышли из подполья, „Набат“ пишет:

„Верность принятых на конференции резолюций в главном и существенном обязывает нас заняться опубликованием их с первого же номера возобновленного „Набата“. Незначительные тактические изменения, вызванные последними событиями, вполне позволяют нам выполнить эту задачу“.

Анархисты Харькова принимают активное участие в происходившей в это время в Харькове забастовке рабочих паровозного завода, прекративших работу в виде протеста против постановления хозяйственных и профессиональных органов о борьбе с прогулами.

На заседании 25 ноября 20 года с политической делегацией Махно нами была затребована от конфедерации „Набат“ ясная и точная формулировка ее отношения к забастовочной форме борьбы с рабочей властью и к участию в хозяйственных органах Советской Республики.

На эти вопросы анархистом Волиным был дан ответ, немогущий вызвать никаких перетолкований:

„Если рабочие забастовку начали — они должны ее продолжать до полного успеха“...

„Не являясь партией и стоя на точке зрения истинной самодеятельности масс, анархисты отказываются от организованного участия в хозяйственных органах Республик“...

Последний ответ особенно интересен тем, что он был дан в то время, когда Врангель уже был разбит и когда перед махновцами и анархистами был поставлен в упор вопрос о возможных формах их участия в деле восстановления разрушенного семилетней войной хозяйства страны.

20 ноября, учтя окончание войны с Врангелем и все безобразия, чинимые махновскими частями в ряде пунктов Украины, тов. Фрунзе отдает Махно приказ о передвижении на кавказский фронт, где Советской Республике грозило в то время новое наступление Антанты. Махно отказывается этот приказ выполнить.

24 ноября тов. Фрунзе приказом за № 00149 предлагает Реввоенсовету повстанческой армии: „все части армии Махно немедленно ввести в состав 4 армии, Реввоенсовету 4-й армии поручается их переформирование“.

Воззванием от того же числа красное командование сообщает бойцам Южного фронта, что до 26 ноября оно будет ждать ответа от Махно.

Вместо ответа, Махно начинает снова враждебные действия против Республики. Тогда в ночь с 25 на 26 ноября после выяснившегося отказа Махно даже ответить на приказ командования советской властью арестовываются в Харькове политическая и военная делегация махновцев и связанные с ними анархисты конфедерации „Набат“.

В последовавшей дал:ше борьбе с махновскими частями советской власти пришлось уже иметь дело не с крестьянским вождем Махно и даже не с командиром десятитысячного прекрасного партизанского отряда, а с разложившимися остатками анархо-кулацких банд, уничтожаемых самой трудящейся деревней с помощью военной силы советской власти.

Этим заканчивается определенный цикл развития русского анархизма, отдавшего свои лучшие силы делу немедленного осуществления идеала анархии через махновщину.

Рассмотренная нами теоретическая и практическая работа русских и украинских анархистов, связавших себя с махновщиной, позволяет сделать некоторые выводы.

1) Махновщина явилась политическим и экономическим порождением украинской деревни, потерявшей за время гражданской войны политическую и экономическую связь с городом и хозяйственно замкнувшейся в себе.

По мере обострения гражданской войны на Украине, по мере смены советской власти — радой, рады — гетманом и немецкой оккупацией, немецкой оккупации—французской, белооккупационной власти советской властью, советской власти атамановщиной и деникинщиной, по мере роста разрушения городов, по мере остановки фабрик, заводов, железных дорог и шахт, — село все более замыкалось в скорлупе натурального потребительского хозяйства, в селе все более росла ненависть к городу потребителю, в его зажиточных элементах все более расцветала идеология безвластия и ширилось организационное и идейное значение махновщины.

Крепкому крестьянину Украины, перешедшему от железнодорожного транспорта к волам, от фабричной мануфактуры к самотканному полотну, от регулярной армии и винтовки — к винтовочному обрезу и партизанскому отряду, была не нужна, а стало быть стала ненавистной советская власть, вопло-

щавшая требование рабочего города и бедняка крестьянина к деревенскому буржуа.

Процесс расслоения украинской деревни и отделения деревенской буржуазии от всей массы бедного и среднего крестьянства занял месяцы и годы и до сих пор еще далеко не закончился.

Советская власть добивалась этого расслоения путем экономической и политической борьбы с украинским сельским буржуа. Экономически — дело свелось к организации деревенской бедноты в комитеты незаможных крестьян и к хозяйственному высвобождению беднейших элементов села из под экономического гнета кулачества. Политически — дело свелось к борьбе с махновщиной.

2) В этой борьбе анархисты сыграли огромную роль, став идеологами, политическими выразителями махновско-кулацкого движения.

Фактически к деятельности в лагере Махно (на стороне Махно) сводится огромная часть работы анархистов всей России и Украины в 19 и 20 годах. С первых дней 19 года, когда в махновском движении получают преобладание кулацкие элементы, и оно в целом направляется против советской власти, основная ветвь русского анархизма неразрывно связывается с махновским движением. Анархисты захватывают в свои руки фактическое руководство всей устной и письменной пропагандой в махновском лагере. Анархисты становятся во главе всего военно-политического аппарата махновской армии. Анархисты издают и редактируют махновские листки, воззвания и махновский оффициоз „Путь к свободе". Анархисты проводят и руководят собираемыми махновцами с'ездами. За пределами махновского государства анархисты своими выступлениями, листками и газетами поддерживают за Махно славу борца за анархию. В Москве, Харькове, Петрограде и Одессе анархисты пытаются оправдать борьбу Махно с советской властью. В Москве анархисты поддерживают махновское движение убийством рабочих коммунистов. Во всех сношениях Махно с советской властью анархисты представительствуют махновскую армию. Анархисты настолько старательно и добросовестно выполняют у кулацкого вождя Махно роль идеологов, политических вождей, редакторов и писателей, что делается абсолютно невозможным заметить, где кончается махновец и где начинается анархист.

3) Очутившись в значительной степени помимо своего сознания в роли вождей кулацкого восстания против советской власти, анархисты вынуждены, конечно, каждым своим шагом попирать все свои принципы.

Они начали свою борьбу против советской власти во имя немедленного осуществления безвластного общества. Они кончают созданием в Гуляйпольском махновском районе государственной организации, где вся власть сосредоточилась в руках крепкого зажиточного крестьянства, где правительство крепкого крестьянства удерживало свою власть жесточайшимъ насилием над рабочим и бедняком крестьянином. Неумолимая логика гражданской войны привела к тому, что анархисты, безвластники, начавшие войну с рабочим государством во имя уничтожения государства вообще, кончают созданием кулацкого государства, анархическое правительство которого не сменяется и никем не выбирается в течение двух лет.

Анархисты отказались принимать участие и признавать Советы, как однобокие, захваченные партией органы. Они отвергли „большевистские Советы" во имя „Вольных Советов". И та же злая ирония гражданской войны превращает безвластников в комендантов захватываемых Махно сел и городов или защитников подобных комендантов. На практике они не только отказываются от идеи Вольных Советов, но фактически оправдывают и поддерживают сосредоточение всей и военной и гражданской власти в руках отдельных, назначаемых Махно, лиц.

Анархисты начинали свою борьбу против советской власти во имя вольной партизанской армии с выборным командным составом. Поставленные перед лицом ряда врагов, они не только отказываются в своей армии от выборности командного состава, но доводят назначенство, полицейский произвол и самодурство начальников до гигантских размеров. Идею вольных партизанских отрядов они сводят на практике к поддержанию прекрасно вооруженного, дисциплинированного, спаянного на платформе классовых кулацких интересов десятитысячного отряда, находящегося на службе у махновско-кулацкого государства.

Мы не будем уже говорить о том, что, перейдя на службу к деревенской буржуазии, анархисты вынуждены были оправдывать и беспощадную борьбу деревенского кулака, с комитетами незаможных крестьян и расстрелы Махно рабочих комму-

нистов, и экономическое угнетение рабочих в махновском районе.

Мы не будем здесь также говорить о том, как пламенные противники всякой государственной власти дважды помогли государственной власти Антанты: в 1919 году — Деникину, открыв ему фронт, в 1920 г. — Врангелю и Пилсудскому, дезорганизовав тыл красной армии своим рейдом.

Все вышесказанное может быть сведено к одному положению, ясно вытекающему из всего приведенного нами фактического материала; анархисты безвластники превратились в строителей и организаторов полицейско-кулацкого государства.

Потому, пожалуй, эту главу печальной истории русского анархизма было бы правильнее назвать не „Анархизм и махновщина", а „Русские анархисты на службе у махновско-кулацкого государства.

И надгробным словом над этой огромной полосой развития русского анархизма служит уклончивое, смазанное, но все же покаянное признание в 1921 году анархистов-универсалистов:

„Анархо-махновско-„набатовский" единый анархизм почувствовав, под собой возможность реального осуществления в царстве Махно, соприкасаясь с действительностью, превратился в „социализм" (Мы видели, что махновский „социализм" переводится с анархистского языка на язык фактов, как кулацко-бандитский строй. — Я. Я.).

То, против чего боролись анархо-махновцы, — комиссародержавие, то у них на Украине, превратилось в безвластное властничество". („Универсал" № 1).

ГЛАВА III.

Анархисты Подполья.

Попытки немедленного осуществления анархического безвластного общества дают новый еще метод немедленного разворачивания безвластного строя — в виде экспроприации рабочих организаций и убийств бомбами на заседаниях рабочих-коммунистов.

Представителями этого нового метода анархической работы являются разнообразные группировки подпольных анархистских организаций.

Занятие Украины Деникиным и выступление Махно против советской власти летом 19-го года усиливают в огромной мере разброд и дезорганизацию в анархистском лагере, выдвигая на поверхность общественной жизни наиболее крайнее, наиболее озлобленное против советской власти крыло анархистов.

После своего выступления против советской власти, махновский Реввоенсовет повстанцев отправляет ряд анархистов в города России для об'единения действующих там анархистских групп против советской власти. Такие группы направляются в Москву, Тулу, Иваново-Вознесенск, Брянск и др. города.

Значительная группа во главе с приехавшими от Махно анархистами Ковалевичем, бывшим в 18-м году одним из видных членов Московской федерации анархистских групп, и Соболевым оседает в Москве.

Группа развивает в короткий срок большую боевую и литературную работу. Боевая работа состоит в проведении экспроприаций и покушений на большевиков. Литературная работа заключается в издании ряда листков и двух номеров газеты — „Анархия".

За время своего существования „анархисты подполья“ провели ряд экспроприаций на несколько сот миллионов рублей: Отделения Народного Банка на Сухаревской площади, Отделения Народного Банка на Таганской площади, Отделения Народного Банка на Дмитровке, Центрального Рабочего Кооператива и Патронного Завода в Туле. Подобные же экспроприации были произведены в Иваново-Вознесенске и ряде других городов.

Не удовлетворяясь такой формой борьбы с рабочим государством, как экспроприация рабочих денег, 25-го сентября 1919 г. — в дни решающих боев красной армии с Деникиным, стоявшим под Тулой и угрожавшим Москве, — „Анархисты Подполья“ бросили бомбу в помещение Московского Комитета на Леонтьевском переулке.

Всего удалось им убить 12 рабочих и работниц коммунистов и ранить более или менее тяжело 55 рабочих и работниц. Убиты были: работница Прохоровской мануфактуры Волкова, кондукторша трамвая Игнатова, 20 лет участвовавший в революционном движении старейший большевик Загорский, цинкограф Разоренов-Никитин, секретарь Железнодорожного района Николаева, маляр и пильщик красноармеец Титов, педагог, старый большевик Кропотов, 18-ти летняя девушка коммунистка Халдина, большевик с 4-го года маляр Сафонов, один из первых организаторов субботников Кваша, слушатели Свердловского Партийного Университета Танкус, Колбин.

Ободренные успешностью своего первого предприятия и не удовлетворившись убийством рабочих 25-го сентября 19-го года, „Анархисты Подполья“ организовывают новое покушение на коммунистов ко дню второй годовщины советской власти — 7-го ноября 19-го года (см. „Известия“, № 1 1920 года, отчет Московской Чрезвычайной Комиссии о раскрытии нового заговора анархистов подполья). Новые убийства рабочих были всесторонне подготовлены, но предупреждены Московской Чрезвычайной Комиссией, захватившей основную группу „анархистов подполья“ на даче в Краскове.

За время своего существования „анархисты подполья“ выпустили следующие листки: 1) „Правда о Махновщине“. 2) „Где выход?“ 3) „Извещение“. 4) „Декларация“. 5) „Медлить нельзя“ и два номера газеты „Анархия“, органа Всероссийской и Московской организации анархистов подполья. Экспроприаторская и бомбометная работа анархистов в дни смертельной схватки Советской России с международным капиталом полностью разоблачает об'ективно контр-революционную деятельность этой ветви анархизма.

Их литературные труды обнаруживают перед рабочим классом всю пустоту тех звонких фраз, взятых из арсенала Прудона и Бакунина, которыми анархисты подполья прикрывали и об'ясняли свою контр-революционную работу. Эти листки и газеты дают наиболее яркое литературное выражение психологии и настроениям деклассированных элементов города, служивших всегда при всех контр-революциях пушечным мясом для белогвардейских вожаков и организаторов.

В лице анархистов подполья, выброшенный из производства, непринимающий никакой дисциплины, никакой организации люмпен-пролетарий города пожал руку деревенскому кулаку-махновцу, также ненавидящему рабочее государство.

Слушайте декларацию „Анархистов Подполья“, помещенную в передовой статье в номере 1 газеты „Анархия“ — 29-го сентября 19-го года (просим не забыть читателя, что статья написана в момент, когда сердце Советской России — Москва — находилось под белогвардейским ударом):

„Никогда не было такой противоположности угнетателей и угнетенных, какъ теперь“...

„Ныне царствующая самодержавная коммунистическая партия, установив рабовладельческий строй, превратила всех в безгласных и бесправых рабов, а сама, завладев фабриками и заводами, хлебом и всем, чем владела буржуазия и чем можно только владеть, стала неограниченно властвовать“...

Отсюда уже, конечно, логический вывод: бей большевиков в спину, бросай в них бомбы, открывай фронт Деникину, дезорганизуй защиту Советской страны в то время, когда белые стоят под Тулой.

„Для экономии революциооной энергии в настоящее время возможна лишь борьба с динамитом... Вслед за актом на Леонтьевском переулке последуют другие акты... С комиссарами — генералами отныне начнем разговаривать на языке динамита“... „Анархия“, № 2, 23 октября 19-го года, статья „Только начало“).

Органическое непонимание анархистами природы рабочего государства, слепое перенесение на новую эпоху методов и способов борьбы, практиковавшихся анархистами по

отношению к буржуазному государству, служат теоретической основой, на которой выросла белая работа.

Въ эпоху 92—94 г.г., в так называемую эпоху Равашоля, анархисты надеялись уничтожить буржуазию рядом террористических покушений. Им удалось действительно тогда нагнать на несколько месяцев известный страх на трусливых французских буржуа. Но, конечно, не только свергнуть, но даже ослабить власти буржуазии они тогда не смогли. Теперь с подобными же методами и приемами они подходят к власти пролетариата. В листке, выпущенном вслед за покушением на Леонтьевском переулке, они пишут:

„За актом на Леонтьевском переулке последуют другие акты, они неизбежны. Политическая коммунистическая саранча разлетится от взрывов"...

(Это мы — коммунисты, закаленные тысячами годов царской тюрьмы, ссылки и каторги, десятками белых фронтов, огнем непрерывной белой и желтой контр-революции, разбежимся, как саранча от бомб анархистов!?).

Все эти способы немедленного осуществления анархии применялись в то время, когда самый безграмотный рабочий понимал, что если коммунисты разлетятся, как саранча, перед лицом Деникина, то на их место спокойно и торжественно под колокольный звон и благодарственные моления всех помещиков вступит в Москву Деникин.

Положительная программа анархистовъ подполья также дана в вышеупомянутых листках и газете и заключается она в организации партизанских отрядов, снабжении каждого средствами производства, уничтожении коммун и... свободе печати.

„В России на развалинах белогвардейской и красноармейской принудительных армий образуются вольные анархистские партизанские отряды. На Севере, на Юго-Востоке они образовались и всюду веет идея безвластного общества". (Листок „Декларация").

„Пусть будет каждый обеспечен средствами производства, насколько он умеет их производительно использовать, независимо от других или совместно с другими по его воле" (Листок „Декларация").

В этой формуле разноса заводов по рукам, превращения общества в собрание отдельных собственников средств производства нагляднее всего вскрывается идеологическая близость анархистов подполья к кулацким буржуазным слоям деревни.

Вся эта динамитная работа оправдывается в каждом листке тем, то она ведет к немедленному созданию „форм общественно-экономических организаций по принципу безвластия" („Декларация").

Мы могли бы умножить эти выдержки из литературных трудов анархистов подполья, но ограничиваемся ими потому, что и они достаточно показывают, во что превращаются в жизни анархические ультра-революционные фразы о немедленном осуществлении анархии.

В своей работе анархисты подполья стали естественными и законными союзниками всех оппозиционных к советам государственников из лагеря меньшевиков, левых эс-эров, сторонников Черепанова и максималистов.

Меньшевик Молчанов, наборщик типографии Наркомпути, печатает листки анархистам подполья.

Левый эс-эр Черепанов получает на свою работу деньги от анархиста Соболева, знакомит анархистов с помещением Московского Комитета на Леонтьевском, куда была брошена бомба и, наконец, указывает куда бомбу бросить.

Левый эс-эр Николаев, принадлежавший к группе Спиридоновой, участвует в ограблении рабочего кооператива в Туле, участвует в самом покушении на Леонтьевском переулке.

Левые эс-эры и максималисты в Туле делят полюбовно награбленные в Туле рабочие деньги с анархистами.

Двое из убийц на Леонтьевском, Гречанников и Саша Барановский-Попов, прибывшие непосредственно от Махно, участвовали помимо взрыва на Леонтьевском в ряде ограблений, где применяли пытки и поджигание различных частей тела (показание арестованного Московской Чрезвычайной Комиссией А. Розанова 26-го ноября 19-го года).

Так государственники враги рабочего класса (от марксистов"-меньшевиков до пламенных апостолов сельской буржуазии эс-эров) об'единяются с анархистскими безвластниками на общей платформе разрушения Советского государства, на общих лозунгах, легко находящих путь к сердцу как кулака, ненавидящего рабочий класс, так и люмпена, ненавидящего рабочую организацию и рабочую дисципилину.

Мы не будем подробно рассматривать работу остальных подпольных анархистских группировок, ничем в теории и практике не отличающихся от рассмотренных нами „анархистов подполья"...

Все эти группировки (чернознаменцы, непримиримые анархисты, безвластники, безначальники) ничем не отличаются друг от друга.

Организационно они представляют собой заговорщицкие группы в 3—5—10 человек, возникающие все вновь и вновь под разными названиями, под разными фирмами, но всегда одинаково враждебные рабочему классу, одинаково чуждые какому бы то ни было рабочему делу.

Они все одинаково опираются на бакунинских „людей воздуха“, выброшенных из производства, отчаявшихся найти точку опоры в рабочем государстве, мелких буржуа, разорившихся лавочников, подпавших под руку пролетариата развратных поэтов буржуазии и вообще взбесившихся против рабочего государства мелких буржуа.

Идейно, они примитивны до чрезвычайности. Их „теория“ не дальше непрерывного провозглашения в качестве очередной задачи сегодняшнего дня — немедленного свержения Советского государства, установления на его развалинах анархического безвластного общества.

Все виды этого „чистого анархического коммунизма“ об'единяются основной теоретической предпосылкой, о которой говорит резолюция 3 конференции Конф. „Набат“, как об основном условии об'единения анархистов: это — отрицание необходимости какой бы то ни было переходной стадии от капитализма к полной анархии.

Это отрицание необходимости какого бы то ни было переходного периода основывается на мещанской маниловской болтовне (заимствованной, главным образом, у Крапоткина) о том, что заложенные в человеке добрые инстинкты сами создадут чудесную полную гармонию миллионов человеческих общин, коммун, артелей, на которые обязательно хочет разбить человечество каждая резолюция этих анархических группировок.

А раз заложенных в человеке инстинктов кооперации, содружества, любви и т. п. достаточно для создания гармонического анархического общества, то значит нужно, какими угодно способами, какими угодно мерами, какими угодно приемами уничтожать последнюю власть, стоящую на пути к этому. Чтобы совершить такой фантастический скачек от Советской России (с ее большинством крестьянского населения, окруженной со всех сторон хищниками империализма) сразу в

царство абсолютной свободы и пробовали делать, правда, без всякого успеха все эти набатовцы, анархисты подпольники, безвластники, чернознаменцы, безмотивники, безначальники, немедленные анархисты свое черное дело разложения красной армии, разложения рабочего класса, организации кулачества, эксов, убийств рабочих и т. д. и т. д.

Из отдельных группировок заслуживают упоминания только следующие:

Группа „чернознаменцев“ выпускает ряд листовок, полных бешенной ненависти к организованному рабочему классу. Она выпускает специальные листовки против трудовой книжки, т. е. против попытки рабочего класса взять под рабочий присмотр бездельничающих спекулянтов из буржуазии. Тот же союз „чернознаменцев“ в июле 20 года выпускает листок к красноармейцам с призывом обращать штыки вместо Польши на советскую власть, 1 мая 20 года — „чернознаменцы“ призывают рабочих срывать праздник коммунистического труда и организовать демонстрации против советской власти. Тот же союз „чернознаменцев“ в листке „Остановитесь! Да здравствует анархия!“ — вопит к рабочим и красноармейцам: „Сбросьте коммунистов, надзирателей, комитеты, Советы, профсоюзы. Оставьте войну, не идите на фронт, разрушайте армию“.

Конечно все эти листки украшаются на все лады всяческими анархическими лозунгами.

Таким же образом работали „Непримиримые анархисты“, выпустившие несколько нелегальных листков.

Ничем не отличается от этих групп, группа „Безвластие“, давшая о себе знать листком, выпущенным в гор. Луге в 1921 г. Вся политическая мудрость этой группы сосредоточивается в лозунге, которым украшен листок: „Кто участвует в выборах в Совет, тот продает себя в рабство власти“.

Конференция Анархистов-индивидуалистов, состоявшаяся в июне 20 года, во время напряженной борьбы с шляхетской Польшей, выдвигает как очередные лозунги: 1) немедленную демобилизацию армии (перед лицом Антанты) 2) полную неограниченную свободу собственности и торговли.

Анархо-белогвардейцы в своем органе („Факел“, № 20) призывают прямо: „Товарищи! Не обижайте трудового народа Польши, Литвы и Украины! Расходитесь сеять у себя“...

Нам могут сказать, что некоторые из этих произведений различных анархических групп представляют собою провока-

цию Антанты, использующей анархическое имя в своих собственных целях. На это мы ответим: — не знаем, очень возможно, что некоторые из этих листков, в особенности так усиленно призывающие красноармейцев уходить с фронта и осуществлять анархию перед лицом Антанты написаны, напечатаны и распространены антантовскими шпионами.

Но суть дела не в том, что некоторые из листков, возможно, представляют собой антантовскую провокацию. Суть дела в том, что анархическая идеология в ее чистом виде оказалась чрезвычайно удобным орудием в белогвардейских руках.

Мы изучили на опыте ряда прошлых революций и проверили на своем собственном тяжелом опыте тот факт, что контр-революция побеждает революционные силы не только путем открытого боя за свои лозунги, но и путем одновременного разложения революционных классов. Когда Антанте нужно разложить организацию рабочего класса России, она готова поддержать любые лозунги и любое движение, хотя бы по внешности архиреволюционное, лишь бы оно вело к разложению рабочей организованности .

Когда то Бебель писал, „что антисемитизм это социализм дураков“. Люмпен-пролетария, взбесившегося мелкого буржуа, даже деревенского кулака, для которого с капитализмом связаны воспоминания царистско-помещичьего строя, не подымешь против советской власти лозунгом восстановления капитализма. Но того же люмпена, того же сбесившегося мелкого буржуа, того же кулака, иногда может удасться Антанте поднять против советской власти (т. е. об'ективно за Антанту) лозунгами немедленного осуществления анархии.

В заявлениях анархиста В. Гордина от имени „первого центрального социалтехникума“ тов. Ленину в августе 20 года имеется весьма недурная характеристика всей этой об'ективной белогвардейской работы. Мы не можем удержаться от искушения привести эту характеристику тем более, что она исходит от человека, отдавшего большую дань мелкобуржуазному бешенству в первой половине 1918 года.

„Старый анархизм громил трудовую повинность, устраивал забастовки на заводах... Старый анархизм солидаризировался с мешечниками, кустарями, шкурническими булочниками, с кулаками и с полукулаками крестьянами, с мелкособственниками... Старый анархизм обвиняет коммунистическое государство в империализме.. Старый анархизм изрыгает целые потоки грязи на Коммунистический Интернационал... Экспроприация и другие темные проделки прилипли к старо-анархизму“...

Универсалисты об'являют в 1921 году Гордина провокатором за его попытку решительного пересмотра тех теоретических основ анархизма, которые привели к белогвардейской практике. Но это не уменьшает ничуть ценности этой критики именно потому, что ненависть к трудовой повинности защита мешечничества, шкурничества, лодырничества, это те качества, которые какой угодно ценой готова была развивать Антанта в рабочем классе России во имя разложения Советской Республики.

ГЛАВА IV.

Анархизм-Синдикализм.

Конечно, авантюристическая и заговорщическая работа групп „Единого Анархизма“ не могла не вызвать некоторых попыток наиболее честных элементов анархизма вырваться из контр-революционного русла, в котором никак уже нельзя было отличить, где начинается деникинский провокатор, с выгодой для себя использующий анархические лозунги и где кончается „идейный“ набатовский анархист, пытающийся в целях утверждения анархии „идейно овладеть, идейно возглавить всякое народное противосоветское восстание“.

Вне активной контр-революционной работы для анархистов, не желавших быть пушечным мясом для Деникина, оставались три пути: или полный отказ от анархизма и полный переход на позицию диктатуры пролетариата, или полный отказ от активной политической работы и исчезновение в мещанском болоте или, наконец, попытка пересмотра анархической теории и практики в новых условиях Советского государства.

Действительно, по этим трем путям идет разложение наиболее честных, наиболее связанных с рабочим классом России, элементов анархизма. Этот процесс довольно точно описывает Исполнительное Бюро Российской Конфедерации Анархо-Синдикалистов в своем циркулярном письме за № 5:

„Движение наше распылено и неорганизованно. Нет единой организационной системы и формы: нет единства в программе и тактике. Дезорганизованность, разобщенность, одиночество создают упадочную психологию, психологию отчаяния, разочарования и бездействия. Каждый из нас до сего времени представляет крупинку людской пыли. Такое состояние одних повергало в уныние, из революционеров они дела-

лись мещанами, другие, не выдержав одиночества, шли к большевикам, третьи влачили жалкое существование обывателя, четвертые продолжая называть себя анархистами, выполняют работы Российской Коммунистической Партии, гораздо лучше, чем ее члены, оставаясь в анархистских рядах, на деле стали большевиками и тем самым внесли в наши ряды яд разложения и оппортунизма, пятые, пользуясь нашей неорганизованностью, занялись „созданием“ новых „анархических“ систем, профанирующих и дискредитирующих анархизм и коммунизм, и только лишь немногие остались верны основным позициям рабочего Анархического Коммунизма и заветам наших учителей М. Бакунина и П. Кропоткина“.

Мы не будем здесь останавливаться на тех, которые, убедившись в том, что контр-революционная практика русского „анархизма“ коренится в его теоретической сущности, перешли в ряды Российской Коммунистической Партии и честно работают с нами.

Мы не будем останавливаться на тех, кто утонул в российском мещанском болоте.

Нас интересуют попытки ревизии, пересмотра анархистской теории и практики и итоги этого пересмотра.

Эти попытки идут в основном по двум руслам: с одной стороны — анархо-синдикалистское русло, с другой — универсализм.

Русский анархо-синдикализм молод чрезвычайно. Он не имеет абсолютно никаких корней, ни в революции 1905 и 1906 г.г., ни в периоде до 1917 года. Во время бурного расцвета анархо-бунтарства весной 18 года, когда анархисты наживали себе капитал на борьбе с трудовой повинностью и дисциплиной труда, потакании мешочничеству и лодырничеству, анархо-синдикалисты были небольшой редакционной группой, издавшей в Питере газету „Голос Труда“. Они тогда, по собственному признанию, „ни с одной московской группой не имели ни организационной, ни тактической, со многими даже и идейной связи“ („Голос Труда“, № 69).

Только в августе 1918 года состоялась первая всероссийская конференция анархо-синдикалистов, избравшая секретариат. Вторая конференция состоялась в ноябре того же года. На ней функции секретариата были переданы Петроградской группе. После второй конференции группа по собственному признанию распалась и „основная цель — создание кон-

федерации не была достигнута“ (Циркулярное письмо Бюро Р. К. А. С.).

После второй конференции анархо-синдикалистов, после ряда отколов и расколов, произошло об'единение в Москве анархо-синдикалистов с анаррхо-коммунистами в единый — „Союз Анархо-Синдикалистов-Коммунистов гор. Москвы“, распавшийся через несколько недель поле своего образования.

Почти полтора года не существовало даже секретариата анархо-синдикалистов. „Попытки собрать и об'единить разлагающееся движение почти не было, а те, которые были, носили ублюдочный и не серьезный характер, а потому не удались“ (то же письмо).

Только в октябре 20 года часть членов серетариата первой конференции объ'явила себя временным Исполнительным Бюро Российской Конфедерации анархистов-синдикалистов и попыталась внести некоторый порядок в теорию, практику и организацию русского анархо-синдикализма. Это Бюро разработало, проект устава и программы Конфедерации анархо-синдикалистов и ряд циркулярных писем по целому ряду вопросов (по вопросу о работе в красной армии, по вопросу о работе среди молодежи, по вопросу о работе органов государства, ведущих дело образования, по вопросу о работе в советских учреждениях и т. п.).

Газеты анархо-синдикалистов „Голос Труда“ и „Вольный Голос Труда“, выходившие в 17 и 18 г.г., „Труд и Воля“, выходившая в 19 году, резолюции Первой и Второй Конференций федераций анархо-синдикалистов, резолюции, внесенные группой анархо-синдикалистов на 2-й Всероссийский с'езд пищевиков, проект программы и устава и циркулярные письма Бюро анархо-синдикалистов служат вполне достаточным материалом для того, чтобы судить о теории и практике этого течения анархизма.

Мы остановимся на тероии этой группы, не смогшей, несумевшей, несмотря на все свои „синдикалистские“ стремления, завоевать себе какое бы то ни было организационное и идейное влияние ни в одном союзе, кроме московских булочников (булочников, которым синдикалисты потакали в их нежелании перейти на общерабочий хлебный паек), только потому, что эта группа и по названию и по некоторым теоретическим построениям стремится приблизиться к анархо-синдикалистам Запада. Эти словесные попытки мешают иногда

разобрать истинное лицо русских анархо-синдикалистов, представляющих собой своеобразную смесь из трэд-юнионизма и бунтарства типа всего русского „анархизма“.

Основные документы анархо-синдикалистов показывают, что у них нет недостатка в желании вырваться из лап анархического бланкизма на путь массового движения. „Голос Труда“ е е в 18 годуищет путей к этой массовой организации на анархо-синдикалистской основе. „Вольный Голос Труда“ в августе 18 года, подвергая жесточайшей критике деятельность „чистого единого анархического коммунизма“, стремится выскочить из моря трескучих фраз и выйти на широкий жизненный путь. „Труд и воля“ в начале 19 года противопоставляет анархическому бунтарству — организованное участие анархистов в строительстве нового общества, зовет к непосредственной работе, к критике — не от революционных фраз, а от непосредственной работы.

О том же стремлении — вырваться на путь массового рабочего движения — говорят и резолюции конференций синдикалистов. Вместо „набатовского“ высокомерного отбрасывания какой бы то ни было программы творческой анархистскй работы в советском государстве и отказа от участия в каких бы то ни было рабочих организациях вплоть до завкомов, вторая конференция синдикалистов „рекомендует товарищам выставить яркую программу анархического строительства“. Та же конференция рекомендует:

„Активную конкретную деятельность анархистов в рабочих организациях, кооперативах, на фабриках и заводах и в мастерских, а также в крестьянстве — везде, где творится новая революционная жизнь, с определенной тенденцией проведения в жизнь анархических принципов ведения народного хозяйства и организации труда“.

Но суть дела не в пожеланиях, а в том, что между „попеланием“ и фактической работой анархо-синдикалистов целая пропасть.

Практика российского анархо-синдикализма: в апреле 18 года, когда советская власть ликвидировала бандитско-анархические гнезда в Москве и Питере, „Голос Труда“, забыв о собственном разоблачении „единого анархизма“, солидаризируется с анархо-бандитами, протестуя против „разгула большевистской власти, против актов, достойных „азиатских деспотов“.

В конфедерацию „Набат“, теорию и практику которой мы рассматривали подробно, вошли анархо-синдикалисты.

„Труд и воля“, орган анархо-синдикалистов-коммунистов идеализирует махновщину, об'являя махновские отряды анархическими и считая, что „посягательства на махновские отряды — покушение на Революцию не только Украины, но и России“ („Труд и Воля“ № 3 от 14 апреля 19 года ст. Н. Павлова).

Анархо-синдикалисты перепечатывают махновские резолюции, организуют распространение „Набата“.

Свое положительное отношение к махновщине анархо-синдикалисты доводят до того, что в ноябре 1921 года предлагают об'единение с той самой Конфедерацией „Набат“, которая признала единственной формой анархической работы организацию восстания против советской власти и диктатуры пролетариата. 21 ноября 21-го года Исполнительное Бюро РКАС за подписью Максимова, Маркуса и Ярчука пишет С'езду Конфедерации „Набат“:

„Принимая во внимание, что разница в программно-тактических позициях конфедерации анархистов Украины „Набат“ и Российской конфедерации анархо-синдикалистов настолько незначительна, что — мы надеемся — она совершенно сгладится в ближайшем будущем и работа обеих организаций при росте их должна будет протекать по тому же руслу...

Исполнительное Бюро Российской Конфедерации Анархо-синдикалистов предлагает с'езду анархистов Украины „Набат“ для выяснения вопроса о желательности и возможности такого об'единения и конкретных его условий избрать комиссию или же передать эти вопросы вновь избранному Секретариату Конфедерации“.

Заговорщические методы работы типа „единого анархизма“ еще более дают себя чувствовать в циркулярных письмах Исполнительного Бюро РКАС.

В циркулярном письме № 3 „о работе в красной армии“ Исполнительное Бюро РКАС рекомендует всемерную работу по разложению красной армии в виду того, что:

„Красная армия может сыграть и безусловно сыграет роль своей предшественницы царской армии, так что нужно заранее учесть, что успех Анархо-синдикалистической Революции будет в большей степени зависеть от духа и настроения красной армии“...

Еще характернее пахнет „набатовским“ душком циркулярное письмо № 6 „о работе в советских учреждениях“. Исполнительное Бюро анархо-синдикалистов (Максимов, Маркус и Ярчук) задает себе вопрос, может ли анархист-синдикалист, работая в советском учреждении, делать творческое дело, и отвечает на этот вопрос с точностью, не допускающей никаких толкований:

„По меньшей мере было бы глупо воображать, что своей работой в учреждениях можно оказать такое влияние, что они в результате этой работы сделаются целиком или приблизятся к анархическим. Реформизм, иллюзия, чепуха, вздор. Необходимо бить по системе в целом. Поэтому на работу в советском учреждении нужно смотреть не как на идейную работу, а просто как на работу у капиталиста, как на работу из за куска хлеба, как на заработок, — и только“.

В кронштадтские дни анархисты-синдикалисты не удерживаются даже на своей легальной позиции, входят в анархический „Совет действия“, об'единивший в кронштадтские дни все антисоветские анархические организации на платформе свержения советской власти.

В то же время анархо-синдикалисты созывают в Москве совещание, на котором формулируются лозунги восстания против советской власти. Это совещание признает необходимость подготовки революции против советской власти, признает всеобщую стачку орудием борьбы с рабочей властью, признает советский режим в условиях диктатуры полицейско-карательным аппаратом.

На выборах в Московский Совет в апреле 21-го года анархо-синдикалисты во главе с Павловым выступают совместно с левыми эс-эрами с платформой, полной фактической ненависти к рабочему государству и одновременно насыщенной требованиями зажиточного крестьянства, в роде „передачи, всей земли крестьянам, или волостным федеративно свободно избранным, уездным и губернским синдикатам хлеборобов“.

Отсюда уже понятно, что с полной логической последовательностью в своем циркулярном письме о созывавшемся на апрель 21 года С'езде Секретариат РКАС запрещает доступ на С'езд анархистам, „стоящим на платформе вхождения в руководящие органы советской власти“. Мы могли бы умножить примеры подобной работы анархо-синдикалистов. Свидетельством этому может служить хотя бы тот факт, что ответствен-

ный редактор Петроградского „Голоса Труда“ — Волин оказался в 1919 году на должности председателя и члена махновского Реввоенсовета, а в 1920 году на должности уполномоченного командования махновской армии в политических переговорах последнего с советской властью...

Эта практика соответствует несомненно двум основным принципиальным положениям анархо-синдикалистов, общим у них со всеми группами „Единого анархизма“ и „Набата“. Первая и основная принципиальная ошибка анархо-синдикализма — это полное непонимание природы пролетарской диктатуры в России в конкретных, данных международных условиях. Вторая ошибка — непонимание соотношения рабочего класса и крестьянства при диктатуре пролетариата в такой стране, как Россия.

Эти две основные ошибки вполне определяют десятки теоретических благоглупостей и сотни контр-революционных действий, которыми насыщены теория и практика русского анархизма.

Анархо-синдикалистам никак не удается выскочить из бакунинского отношения к диктатуре пролетариата. Бакунин боролся с выдвигаемой Марксом идеей диктатуры пролетариата во имя „абсолютного принципа свободы“:

„Во имя свободы, которую мы признаем за единственное основание, единственный законотворческий принцип всякой организации, мы всегда будем протестовать против всего, что хоть сколько нибудь будет похоже на государственный социализм и коммунизм“... (Бакунин. Издание Балашева, том 1 стр. 8).

Для Бакунина, метафизика и идеалиста, „свобода завоевывается только свободой“ и Бакунин со всей страстью своего пламенного темперамента борется с идеей диктатуры пролетариата. При „бакунинской революции“ мы уничтожим безжалостно положение вещей, чтобы иметь возможность пощадить людей без опасности для революции“ (Бакунин. „Программа Интернационального Социалистического Союза“).

Бакунин не видит того, что за вещами, за общественными отношениями стоят люди. Он забывает, что общественное отношение есть отношение людей в процессе производства. Он не понимает того, что существующих общественных отношений нельзя разрушить без преодоления огромного сопротивления заинтересованных в их сохранении людей и классов.

Бакунин мечтает о том, что можно уничтожить собственность так, что не будет надобности „людям истреблять людей“.

Практика революционного движения на Западе, в частности опыт и практика революций последних годов и, соответственно, теории революционного синдикализма Запада уже давно покончили с иллюзией Бакунина о возможности изменить что нибудь в „отношении вещей“, в капиталистическх отношениях без организованного насиилия рабочего класса над буржуаией.

Если бакунинским теориям завоевания „свободы через свободу“ можно найти известное оправдание в том, что 50 лет тому назад не было ясной картины мучительных родов нового общества, то для русских учеников Бакунина, натягивающих на себя старые бакунинские штаны, нет и этого оправдания.

Вся теория русских анархо-синдикалистов строится на бакунинском непризнании необходимости организованной власти рабочего класса в переходный период к социализму и на бакунинской иллюзии завоевать „свободу свободой“.

Социальная революция не родилась сразу во всех странах мира. Рабочий класс не сбросил власти буржуазии в один день в Европе, Азии и Америке. Ход мировой революции рисуется в виде единовременного существования рабочих республик и буржуазных государств, ведущих между собой смертельную борьбу. Для того, чтобы возникающей рабочей республике справиться с окружающими ее и наседающими на нее врагами, ей приходится организовать подавление и сопротивление не только своей буржуазии, но и буржуазии чужих стран. Опыт Русской революции показывает, какие огромные силы сопротивления таит в себе класс, стоящий за капиталистическими общественными отношениями.

Сила сопротивления русской буржуазии безмерно возрастала, благодаря помощи буржуазии всего мира.

Кто же, кроме тупого доктринера и мещанского болтуна, при этих условиях может требовать от рабочего класса России саморазоружения перед лицом всемирного могущественного капитала Антанты?

Кто, кроме слюнявого интеллигентного мещанина, или злостного врага рабочего класса России, может требовать от рабочих России упразднения диктатуры пролетариата в то время, когда для подавления все новых и новых мятежей, вос-

станий и нападений буржуазии требуется максимальное напряжение сил организованного в господствующий класс пролетариата.

А между тем, такое требование выдвигается непрерывно анархистами всех группировок, в частности и анархо-синдикалистами.

Они щеголяют тем, что относятся „безусловно отрицательно к государству, а следовательно ко всякой форме, системе управления: монархии неогрниченной, республике демократической или „социалистической" — все равно (резолюция по „политическому устройству России" Второй Конференции анархо-синдикалистов").

В резолюции, внесенной группой анархо-синдикалистов на 2-й Всероссийский С'езд Пищевиков в марте 20 года, на котором они собрали, кстати, 3—4 голоса, они требуют „восстановления всех гражданских свобод и гарантий".

В резолюции „о задачах производственных союзов" гражданина Максимова анархо-синдикалисты заявляют с упорством слепых фантазеров и догматиков:

„Всякое государство, буржуазное или социалистическое, безразлично, — жандарм, охраняющий капиталистический строй при господстве буржуазии и государственный — при социализме; оно (государство) всегда стояло на страже интересов хозяев, всегда склоняло чашку весов в пользу хозяина. Это его призвание, смысл его существования. Советское государство отличается от других форм государственных тем, что совмещает в себе и жандарма и хозяина".

Отсюда логически — требования свобод для бедненькой буржуазии, об угнетении „личности" которой печалятся наши синдикалисты.

Если западно-европейских революционных синдикалистов может удивить тот факт, что анархо-синдикалистская организация в России не имеет почти ни одного голоса ни в одной рабочей организации, не имеет никакого влияния ни в Советах, н в завкомах, ни в профсоюзах, то мы предлагаем им представить себе спор перед самой отсталой фабрикой в любом захолустьи России между „анархо-синдикалистом" и коммунистом.

Анархо-синдикалист уверяет рабочих, что через всеобщую стачку и восстание против советской власти рабочая Россия может прийти к высшему анархо-синдикалистскому типу об-

щества. Коммунист в двух словах об'ясняет, что всеобщая стачка рабочих против своей власти в России означает только вступление Врангеля на белом коне в Москву.

В таком споре беспартийные рабочие неуклонно и повсеместно свой выбор делали: за диктатуру пролетариата, против диктатуры буржуазии, а значит против анархо-синдикалистской мещанской болтовни.

Наиболее точно формулируют анархо-синдикалисты свое отношение к диктатуре пролетариата в проекте своей программы разосланном Секретариатом федерации уже в начале 1921 г.:

„Советская республика, даже самая социалистическая.... становится чудовищной машиной эксплоатации и полного порабощения громадного числа трудящихся небольшой кучкой людей... В противоположность этому, анархо-синдикалистский строй осуществляет абсолютную свободу мест без каких бы то ни было властей... Советское государство в силу своей сущности превращается в машину, подавляющую трудящиеся массы, все проявления протеста и свободной инициативы. В противоположность этому, анархо-синдикалистское народоправство одним фактом существования тысяч свободно действующих массовых рабоче-крестьянских организаций устраняет всякую возможность контр-революционных попыток, следовательно, совершенно не нуждается в диктатуре одного какого либо класса, в постоянных или временных чрезвычайно-карательных органах, в подавлении свобод и лишении кого бы то ни было политических прав.

„Свобода при наличии коммунально-синдикального строя не может быть употреблена против освобождения всех трудящихся, если бы этого даже и хотели некотрые элементы"...

Мы привели эту длинную выдержку из программы федерации анархо-синдикалистов только потому, что в ней имеется квинт-эссенция анархо-толстовско-белогвардейских премудростей. Тут и буржуазная проповедь революционного свержения диктатуры пролетариата, тут тупая, годная для дурачков, иллюзия возможности предоставления полной свободы буржуазии в эпоху экспроприации экспроприаторов.

Полное непонимание природы „переходного периода" слезливые мечты об абсолютной свободе дополняются другой коренной ошибкой анархо-синдикалистов, — непониманием роли пролетариата в стране с большинством крестьянского населения.

В течение революции мы не раз проверяли на своем опыте основную марксистскую истину о том, что мелкая буржуазия представляет собой класс непрерывного колебания между буржуазией и пролетариатом. Рабочий класс России обеспечил за собою господство в Советской России тем, что вел в течение революции по отношению к крестьянству такую политику, которая позволяла нам организационно и идейно вести за собой многомиллионные массы крестьянства. При этом неоднократно приходилось лавировать, отступать, делать те или иные уступки крестьянской массе, в том или ином отклоняться от прямого пути к социализму, во имя того, чтобы не позволить крестьянской массе отшатнуться к буржуазии.

Это соотношение рабочего класса и крестьянства в Советской России закреплено и в советской конституции, дающей рабочим массам некоторое преимущество в представительных органах по сравнению с крестьянством.

Совершенно очевидно, что поддаться в этом вопросе мелкобуржуазным представителям об „абсолютном равенстве“ значило бы утопить пролетарскую диктатуру в море крестьянской стихии, отдать судьбу рабочего государства на волю настроениям крестьянских масс, непрерывно колеблющихся от Колчака к Ленину и от Ленина к Колчаку.

Во имя самосохранения, — рабочий класс России и его коммунистическая партия в течение революции зорко следят за тем, чтобы не упустить из своих рук руководства крестьянскими массами, чтобы не сдать диктатуры пролетариата всемирной буржуазии за чечевичную похлебку фиктивного равенства рабочего и крестьянина.

Этого соотношения рабочего класса и крестьянства в такой по преимуществу крестьянской стране, как Россия, органически не понимают анархисты всех группировок, в частности и анархо-синдикалисты. И тут не обходится, конечно, без бакунинского хвостика. Бакунин писал о диктатуре пролетариата и о крестьянстве, как человек, не разорвавший связь с бывшей тогда еще почти абсолютно земледельческой Россией. Бакунин спрашивает в своем произведении „Государственность и анархия“ (стр. 216: „Над кем будет господствовать пролетариат, если он станет господствующим классом“?

И отвечает с огромным возмущением: „значит, остается еще другой пролетариат, который будет подчинен этому новому государству, например, хотя бы крестьянская чернь, как известно не пользующаяся благорасположением марксистов. Эта чернь, находясь на низшей ступени культуры, будет вероятно управляться городским и фабричным пролетариатом“.

И опять таки, если этому непониманию соотношения рабочего класса и крестьянства можно найти известное условное оправдание или, по крайней мере, об'яснение у Бакунина (в особенности по отношению к тогдашней России, имевшей рабочий класс только в зародыше), то никакого оправдания не может быть непониманию этого соотношения анархо-синдикалистами после жестокого опыта Русской Революции.

В своем непонимании действительного соотношения рабочего класса и крестьянства анархо-синдикалисты доходят до превращения себя в крестьянских идеологов, до полного уничтожения самого понятия „рабочий класс“ и замены его понятием „рабоче-крестьянский народ“.

В резолюции „об экономическом устройстве России“ они отказываются от какого бы то ни было руководства крестьянским хозяйством со стороны рабочего государства, требуя „полной автономии низшему производственному организму — деревне с деревенским Советом“. В резолюции 2 конференции о культурном устройстве России, они отказываются от всякой попытки идейного руководства крестьянством со стороны пролетариата, требуя полной свободы и автономии прсветительных организаций крестьянства.

В резолюции, предлагавшейся анархо-синдикалистами на 2-м с'езде пищевиков, они требуют об'единения крестьян в Крестьянский Союз, стремясь, таким образом, вместе с правыми эс-эрами противопоставить рабочему классу России силу экономически организованной мелкой буржуазии.

И, наконец, в своем „Проекте программы“, они заявляют решительно и прямо, что будут вести борьбу „против установления за рабочим классом каких бы то ни было привиллегий по сравению с другими категориями трудящихся“ (пункт 7-й „Проекта программы“).

Среди всех этих требований, изобличающих крестьянское лицо русского анархо-синдикализма, наиболее характерна, пожалуй забота об организации крестьянского союза. За этот лозунг уцепились теперь павые эс-эры. Его поддерживали тамбовские кулаки во время своего восстания против Советской власти. Его поддерживают всевозможные буржуазные эмигрантские круги. Этот лозунг выплыл с особой четкостью

у контр-революционеров всех видов после крушения попыток помещичьей реставрации. Пытаясь противопоставить рабочему классу крестьянство, все контр-революционеры выдвигают после разгрома Врангеля лозунг „крестьянского союза“, — лозунг организации крестьянской мелкой и средней буржуазии.

И этот же лозунг, лозунг организации крестьян против советской власти, против рабочего класса проводится анархо-синдикалистами во имя мелко-буржуазной иллюзии абсолютного равенства и абсолютной свободы, во всех статьях и газетах, во всех резолюциях конференций, во всей их программе.

Очевидно, что группа, не понимающая ни роли диктатуры пролетариата по отношению к международному капиталу, ни соотношения рабочего класса и крестьянства в эпоху диктатуры пролетариата в России, группа, забывающая даже упомянуть в своей программе о необходимости организованного насилия над классом буржуазии, ни в одном вопросе не может нащупать правильного пролетарского, не контр-революционного или не фантастического решения.

Разорение России империалистической и гражданской войной дошло до того, что рабочему государству и профессиональным союзам приходится распределять каждую пару обуви, каждый фунт хлеба, каждый костюм между десятками и сотнями их не имеющих, так чтобы снабдить наиболее нуждающихся и в то же время наиболее старательных работников. В таких условиях анархо-синдикалисты предлагают в тезисах гражданина Максимова „о задачах профсоюзов“ немедленно установить принцип оплаты труда: „от каждого по силам, каждому по потребности“ (пункт 19 резолюции). Жалкие утописты не дают себе труда даже подумать о том, каким способом можно распределить тысячу фунтов хлеба между тысячью рабочих по потребности каждого в то время, когда эта потребность исчисляется тремя тысячами фунтов.

В области организации армии эти болтуны и контр-революционеры требуют уничтожения красной армии и организации всенародного ополчения трудящихся через производственные союзы и сельские общества (пункт 6 программы).

Им нет никакого дела до того, что, при очередном колебании мелко-буржуазных масс, отказ рабочего класса от организации красной армии, в которой крестьянская масса находится под организационным и идейным влиянием рабочего

класса, неизбежно поведет к полному физическому уничтожению рабочего класса взбесившимся мелким буржуа.

Тупоголовые местники и кустари требуют перед лицом вооруженной Антанты предоставления местным организациям права определения продолжительности учебных сборов, порядка следования на фронт, места отбывания воинской повинности, совершенно забывая, что ничего лучшего Антанта для своей победы не могла бы и пожелать (пункт 5 раздела программы).

Барахтаясь, как слепые котята, в труднейших проблемах Советской России, они в области просвещения требуют во имя чистоты своего, якобы синдикалистического принципа, передачи всего дела просвещения в руки профессионального союза работников просвещения и родителей. Зрячему человеку, даже не читавшему Бакунина, совершенно очевидно, что перед рабочим классом, в эпоху диктатуры, стоит огромная задача постепенного и осторожного перевоспитания учительской массы, которую мы получаем в наследство от капитализма с внедренными в нее сотней лет капитализма буржуазными предрассудками.

Зрячему человеку также очевидно, что передать новое пролетарское поколение в бесконтрольную обработку старому учителю, хотя бы организованному в анархический синдикат— это значит отдать пролетарских детей на с’едение старой буржуазной культуре.

Но что до всего этого нашим доморощенным синдикалистам, у которых программа требует передачи дела просвещения учительскому синдикату.

Мы ограничимся этими образцами решений анархо-синдикалистами вопросов практической политики, ибо все эти, частью утопические, частью контр-революционные проекты вытекают из органического непонимания анархо-синдикалистами двух основных истин: положения рабочего класса, экспроприировавшего эксплоататоров в одной стране по отношению к силам международной буржуазии и отношения рабочего класса, захватившего власть, к массе крестьянства. Эти основные принципиальные ошибки русского „анархо-синдикализма“, с которыми уже кончают революционные синдикалисты Запада, об’ясняют вполне и контр-революционную практику русского анархо-синдикализма и полную его неспособность выйти на арену массовой рабочей деятельности.

Выступивший на международном профессиональном конгрессе представитель синдиката шляпочников г. Марсель, присоединяясь в целом к так называемым Амбенским тезисам, вносил в них одну коренную поправку — признание диктатуры пролетариата в переходный период к социализму. С таким революционным синдикалистом у нас остается спор о формах осуществления диктатуры пролетариата, о роли коммунистической партии.

Этот спор будет решаться товарищески в совместной революционной борьбе против буржуазии.

Но этот спор не имеет ничего общего с тем спором, который принуждена вести Коммунистическая Партия России с группировками, вроде русских анархо-синдикалистов, узколобых фанатиков и тупых мещан, практика которых не смогла им завоевать ни одного места в русских рабочих организациях, но зато превратила их в вождей и потакателей кулацким восстаниям против советской власти и пролагателей путей (правда, неудачных пролагателей) к победе Антанты над Советской Россией.

ГЛАВА V.

Анархо-Универсализм.

Другим „ревизионистским" течением в русском анархизме является течение так называемого — „универсализма". Это течение оформливается в августе 1920 года, но корнями своими оно вырастает в 1918-й год. Вождь этого течения Гордин, во главе с небольшой группой анархистов, летом 1918 года пытался на развалинах „Московской Федерации анархистских групп" построить анархическую организацию, очищенную от белогвардейщины и бандитизма в практике и от беспардонно-непримиримого отношения к диктатуре пролетариата—в теории.

25-го ноября 1918 года группа Гордина от имени „Первого Центрального Социо-техникума и Московской Федерации Анархических групп" обратилась с воззванием против Колчака, призывающим рабочие массы к сплочению вокруг советской власти. Но фактическое большинство „анархистов", об'единившихся в „Союз анархо-синдикалистов-коммунистов г. Москвы" решительно отреклось от идей этого воззвания. „Анархо-синдикалисты-коммунисты", представлявшие собой об'единение анархо-синдикалистов с непримиримыми по отношению к диктатуре пролетариата элементами бывшей „Федерации анархистских групп", в своем органе („Труд и Воля" № 1 от 30 января 1919 года) решительно отреклись от мысли воззвания и заявили, что „самое воззвание не является выражением мнения анархистов, хотя бы их небольшой части, а лишь мнением Л. Гордина и А. Гордина и нескольких лиц, солидаризировавшихся с ними".

В декабре 1919 года, в виду полного бессилия всех анархистских группировок в Центральной России проявить какую бы то ни было деятельность и усиливавшегося развала в анархистском лагере, происходит новая попытка об'единения всех

анархистских группировок г. Москвы в один „Московский Союз Анархистов“. В этот союз входит и Гордин. Но и это об'единение не дает никаких результатов; все активные силы классического русского анархизма на Украине на службе у Махно, и „Московсикй Союз“ влачит жалкое существование, окончательно распавшись к августу 1920 года. К этому же времени относится выступление Гордина со своей новой платформой, вокруг которой сплачивается группа анархистов под названием „Секция универсалистов-анархистов“. Эти „Основные положения“ Всероссийской Секции универсалистов интересны не столько своим фактическим значением и влиянием в русской анархистской среде (большинство тех же универсалистов успело, как мы увидим, трижды отречься от своих „положений“ прежде, чем высохла типографская краска на напечатанных экземплярах „Основных положений“), сколько тем, что они представляют собою единственную попытку группы русских анархистов последовательно оформить теоретические выводы из печальной практики прошлого.

Мы приведем наиболее существенное.

Оснонвное и существенное — это точная формулировка отказа от бакунинской теории „к свободе через свободу“. Тов. Гордин признает в своей брошюре: „Переходное время немыслимо без диктатуры“ (стр. 29), тов. Гордин понимает, что христианско-маниловский „анархизм“ на деле превращается в свою противоположность — в бунт против рабочего класса, и потому он заявляет:

„Клин клином выбивают. Насильственный порядок требует насильственных методов борьбы для искоренения и для насаждения того порядка, который весь будет основан на свободе“.

„Обоснование программы“ зло издевается над отказом русских анархистов от захвата власти рабочим классом, заявляя, что „такой отказ основывается только на недомыслии“. В главе „об узурпации узурпаторов“ тов. Гордин раз'ясняет русским болтунам от анархизма, что никак нельзя провести грань между экономическим насилием в виде — „захвата фабрики“ и политическим насилем над буржуа, как классом. Исходя из этого, Гордин задает вопрос всем анархо-болтунам: „Если можно применять неорганизованное насилие против отдельных буржуа, то почему против них нельзя применять ор-

ганизованного насилия?“ Брошюра отвечает на этот вопрос точно и ясно:

„Для насильников и эксплоататоров должна существовать власть, т. е., им продиктованная, для них обязательная и принудительная воля трудящихся. Паразитические и насильственные элементы должны быть лишены всех политических прав и экономических привиллегий они должны быть политически изолированы и из'яты. Институты правления будут руководимы всеми, за исключением тех, которые являются врагами, насильниками, эксплоататорами угнетенных“.

Тут нет еще правильного понимания отношения между рабочим классом и крестьянством, смазываемого в общем понятии „угнетенные, трудящиеся“. Но тут есть учет основного урока бело-бандитской практики русского „анархизма“: „Вне диктатуры в переходный период не может быть перехода к анархии и к свободе“. Соответственно „основные положения“ формулируют отношение к советской власти и советам:

„В борьбе между коммунистами-государственниками и либералами демократами-буржуями, защитниками частного владения, мы на стороне коммунистов-государственников, уничтожающих частную собственность... Мы считаем глубоким заблуждением применение бойкота к Советам, Всероссийским С'ездам Советов и ВЦИК, проповедываемого анархистами по отношению к буржуазному представительному учреждению.

В советы рабочих депутатов мы должны входить, во-первых, с целью использования советской трибуны и связи с рабочими заводами, во-вторых, с целью основательного изучения нашими товарищами советского аппарата, который по форме правилен, но требует исправления, превращения в исполнительный орган, в третьих, — это самое главное, ради участия в советском экономическом строительстве, как отрицательно — в беспощадном разрушении частно-владельческого хозяйства, так и положительно — в создании на его месте нового хозяйства“.

Отсюда логически вытекает пересмотр традиционного русско-анархистского взгляда на красную армию. Русский анархизм ответил за свое отрицание организованной военной силы пролетарского государства и за свою идеализацию партизанщины собственным разложением и самопревращением в кулацко-бандитскую партию. Гордин убеждает своих друзей в том, что „партизанские отряды не менее грабят, чем органи-

зованные армии". Та же брошюра имеет решимость подойти глубже к этому вопросу.

Она связывает идею партизанщины с основной идеей русского анархизма, полученной анархистами в наследство от первых русских народников, — с идеей „Вольного общинного вида общежития".

Вольнообщинный строй, идеал русских анархистов после своего осуществления „не уступил бы средним векам в их нескончаемых, неорганизованных войнах-междуусобицах". Исходя из этого принципа „Основные положения" заявляют:

„Принимая во внимание, что Советская Россия совершает великое историческое дело — уничтожения частной собственности — мы анархисты-универсалисты приветствуем победы, одерживаемые красной армией, Советской Россией над ее буржуазными феодальными врагами, над старым, нарождающегося над отжившим, одряхлевшим миром частной собственности и частных собственников".

Русское народничество в младенческий период своего развития выдвигало идею вольно-общинного строя, как панацею, как могущественнейшее средство спасения от всех зол помещичьего строя. Русское народничество, отвергая возможность развития капитализма в России, несколько десятков лет назад выставляло лозунг: „не через капитализм — к социализму, а прямо от помещичьего строя — назад к вольнообщинному хозяйству". Этот лозунг имел в 80-х годах под собой почву чрезвычайно слабого развития капитализма в России. На идейной борьбе с этим консервативным лозунгом выкристализовывалось теоретическое сознание партии рабочего класса России.

Рабочий класс России не хотел пути от крупной промышленности назад к вольно-общинному крестьянскому строю, русский рабочий класс выбрал путь иной: через разрушение капиталистических основ крупного хозяйства в период диктатуры пролетариата — к социализму.

Русские анархисты возродили идеологию русского народничества. Мы видели уже, как в своей практике русские анархисты связали себя неразрывно с зажиточным русским крестьянством. На этой крестьянской основе русского анархизма вырос и его идеал — реставрированной народнической Вольной общины.

Этот идеал вольно-общинного строя особенно усиленно поддерживался набатовскими течениями русского анархизма, наиболее связанного с зажиточным крестьянством. Жизненность, кровь этому идеалу давало разрушение в процессе гражданской войны связи города с селом, обособление села от города, превращение села в самозамыкающееся хозяйство. Тов. Гордин в своей брошюре не улавливает этой связи между анархистской практикой и идеей общинного строя.

Но он видит, как эта идея превратила русских анархистов в „кулацких анархистов", он понимает экономическую нелепость пропаганды перехода от крупной промышленности назад к первобытным формам хозяйства и человеческого общества и поэтому подвергает этот „кит" анархо-народничества жесточайшей критике:

„Общинное коммунальное хозяйство поведет к вечным раздорам между коммунами, восстановит старый феодальный мир с его самостоятельными синьорами в новом украшенном мире. Этот строй создал бы вечную конкуренцию между мелкими хозяйственными единицами. Этот артельный общинно-коммунистический строй был бы хуже буржуазного строя, он весь насквозь пропитан мелко-буржуазным духом, отдает артельщиной, кустарничеством и общинничеством. Он восстановил бы торговлю в самом неприглядном ее виде"...

Разделываясь с анархическо-народнической, глубоко-реакционной, идеей возврата в 20 веке к общинному строю, автор программы „анархо-универсализма" бросается в другую крайность: он признает только единое централизованное в мировом масштабе хозяйство. Но нам важно с точки зрения анализа развития русского анархизма не это доведение правильной идеи до утопии, а другое: в лице группы Гордина один из лучших представителей старого „валяй-анархизма" признает, что идея вольно-общинного строя — идея народническая, глубоко реакционная отрыжка докапителистической эпохи.

Признание диктатуры пролетариата заставляет решительно пересмотреть и вопрос о тактике и организации анархизма.

Анархо-бунтари анархо-русского типа дали нам достаточное количество примеров бестолкового об'ективно контр-революционного бунтарства, дикого террора против рабочего класса, непрерывного метания от анархо-синдикалистского отказа от всякой политической борьбы до бросания бомб в рабочих коммунистов и организации кулацко-махновского государства.

Тактика русских анархо-бунтарей, идеал которых не пошел дальше легендарного Стеньки Разина, привела к тому,

что махновцы открывали фронт белой государственности Деникина и Врангеля. Поэтому пересмотр тактики должен быть наиболее решительным, наиболее последовательным. Сознание необходимости решительного пересмотра тактики охватывает наиболее широкие слои анархистов. Подвергается пересмотру в частности и вопрос о сущности прямого действия. Тов. Гордин поддерживает идею прямого действия, но в то же время приходит к выводу, что „прямое действие не означает, не должно означать отказа от политических средств борьбы“. Он считает отказ от политической борьбы тактикой ошибочной, глубоко-реакционной.

„Основные положения“ заявляют: „Мы совершенно отвергаем дезорганизаторские приемы борьбы, бунтарство, террор и частичные экспроприации“.

И тут, конечно, имеется соответствующий перегиб палки. Анализируемые нами документы универсалистов мыслят осуществление анархистского строя в виде единовременного переворота во всем социалистическом мире, возможного после осуществления диктатуры пролетариата на всей территории земли. Здесь несомненно имеются две ошибки: во-первых, нельзя представлять переход от диктатуры пролетариата к социализму в виде революционного переворота, во-вторых, изживание диктатуры пролетариата, переход от диктатуры к социалистическому обществу будет несомненно органическим, длительным процессом, достигающим большего или меньшего развития в разных странах в зависимости от ряда условий.

Русский анархизм вступил в жизнь с одним организационным принципом на своем знамени: „никакой организации собственных рядов“. Этот принцип всячески проповедывали, неуклонно поддерживали и проводили в жизнь „валяй-анархисты“ 1918 года.

Они развивали в своей прессе непрестанно идею о том, что подсчет своих рядов, проверка их, изгнание негодных, — является контр-революционной буржуазной выдумкой.

Всякий вор, всякий контр-революционер и грабитель получил свободу и возможность широко использовать анархическую марку. В результате в федерациях анархистов оказалось больше воров и грабителей, чем анархистов. Принцип „никакой организации“ создал организацию грабителей. Принцип „никакой организации“ привел к созданию нескольких десятков анархических группок, по несколько человек в каждой — каждая со своей программой, своей тактикой, но все под общим анархическим именем. Принцип „никакой организации“ привел к кружковщине, к группировщине, местничеству самого отвратительного типа.

Принцип „никакой организации“ привел к тому, что в 1920 году мы имеем анархистских организаций немногим меньше, чем анархистов. Принцип „никакой организации“ — облегчил путь превращения анархизма в заговорщические, жалкие, бессильные кружки. Реакцией на весь этот опыт является утверждение „Основных положений“: „наша организация единая, сплоченная, дисциплинированная... Мы об'единяемся на почве убеждения, образуя на местах секции, которые, слившись воедино, образуют Всероссийскую Секцию“.

От горделивого раз'яснения на каждом шагу, что анархизм и принцип партийной организации несовместимы до признания необходимости анархической организации, единой сплоченной и дисциплинированной на основе определенных убеждений — дистанция, конечно, не малого размера.

На фундаменте расссмотренных нами „основных положений“ оформляется группа универсалистов во главе с подписавшими „Основные положения“ Аскаровым, Гординым, Махлиным и Медницовым. „Универсалисты“ открывают в Москве клуб, предпринимают ряд легальных изданий, начинают завязывать связь с провинцией — словом начинают работать по восстановлению анархизма на новом теоретическом фундаменте. Ряд анархистов, арестованных советской властью за участие в махновщине или других вооруженных и бунтарских выступлениях против советской власти, подписывает декларацию универсалистов и немедленно освобождается из тюрьмы. Освобожденные обязуются секретариату Всероссийской Секции Анархо-Универсалистов честным анархическим словом, что „на воле будут работать согласно основных положений Всероссийской Секции Анархистов-Универсалистов с соблюдением тесной организационной связи и дисципилны“ (заявление от 18 января 1920 года).

Но анархисты не были бы анархистами, „русскими анархистами“ (т. е. анархистами, отображающими, в основном, настроения и чаяния определенных слоев крепкого крестьянства), если бы они устояли прочно на новой позиции и в дни очередного колебания мелкобуржуазной массы против советской власти.

В декабре 1920 года по всей России крестьянство, класс непрерывного колебания от рабочего к буржуа, дает пример очередного колебания.

На почве огромного неслыханного хозяйственного истощения страны, на почве разорения, нужды и голода наростает в крестьянских массах противо-советское настроение, которое достигает максимального напряжения в кронштадтские дни.

Соответственный процесс и во Всероссийской Секции анархистов-универсалов.

Во время 8-го с'езда Советов, в конце декабря 1920 года, на совещании универсалистов обсуждается проект декларации к с'езду, предложенный Гординым. Этот проект повторяет основные пункты той самой декларации, на фундаменте которой организовывалась секция универсалистов.

Отображая в точности колебания мелкой буржуазии, большинство универсалистов отвергает декларацию, переизбирает секретариат из людей, стоящих на „новой“ платформе, и исключает из его состава Гордина и всех его единомышленников. Картина дополняется тем, что вновь пересматривающее свои позиции большинство Секции сохраняет свое прежнее название, захватывает помещение клуба и об'являет в своем органе, что „выродившиеся Гордины и его группа окончательно превратились в провокационную группу“. Меньшинство об'являет анархистов группы большинства, испытывающих очередной рецидив, безответственной группой, не имеющей ничего общего с анархо-универсалистами, слагает с себя всякую ответственность за ее деятельность и об'являет общую перерегистрацию всех анархистов-универсалистов.

Эта буря в стакане воды интересна только тем, что она еще и еще раз вскрывает нравы той интеллигентской кучки, которая составляет кадр русского анархизма.

Большинство анархо-универсалистов получает очень скоро возможность выявить свое лицо интеллигентских мелких буржуа на службе у крестьянина.

Начинается Кронштадтское восстание. В лагере врагов Советской Республики ликование. У заграничных белогвардейских эмигрантов — праздник: открылся новый путь к буржуазной диктатуре.

Милюков — за поддержку этого нового пути — через архилевые лозунги, через „Советы без большевиков“, через вольные анархические советы прямиком к конституционной монархии.

Кронштадтские дни — боевая проверка для партий России. Мелкий буржуа болтает архи-революционные фразы, делает архи-контр-революционные дела, открывает путь Милюкову. Рабочий железной рукой подавляет кронштадтский бунт, грозивший немедленной новой интервенцией. В то же время рабочий класс добивается нового колебания крестьянской массы в сторону пролетариата, путем экономических уступок ей введением продналога и свободы обмена.

Анархо-универсалисты выдерживают вполне экзамен на мелких буржуа. Они — за Кронштадт.

Они за всемерную поддержку Кронштадтского бунта. Они входят в единый анархический Совет действия, сложившийся в Москве на платформе свержения советской власти. Не упоминая в своей легальной прессе даже имени Кронштадта, они печатают и распространяют нелегально листки, призывающие к восстанию, к свержению советской власти, к поддержке кронштадтского бунта.

Анархо-универсалисты распространяют листок „Кому нужна братская кровь?“, в котором призывают красноармейцев, рабочих и крестьян „воруженной рукой поддерживать Кронштадтское восстание“. В другом листке-воззвании группы анархистов Петрограда, распространявшемся универсалистами в Кронштадтские дни, меднолобые анархисты об'являют клеветой большевистское разоблачение Кронштадтского мятежа.

Они доказывают, что генерал Козловский, фактически руководивший мятежом по соглашению с Антантой, — это злостная выдумка „кровопийц комиссаров“.

В белогвардейском исступлении они кричат: „Ты вековой страдалец, крестьянин! Раскачай свою родную дубину, да ухни обирающих тебя грабителей! Еще нажим и это чудовищное насилие рассыплется... Творите революцию... Долой власть!...“

Каждый рабочий, видевший эмигрантские белогвардейские или антантовские буржуазные газеты в Кронштадтские дни, пусть постарается найти хоть какое-нибудь отличие этих „анархистских“ лозунгов от белогвардейских.

Анархисты-универсалисты оставляют в своем багаже из всех подписанных ими ‚основных положений“ только одно: „Необходимость создания дисциплинированной анархистской

организации". И после рецидива, возврата крестьянских бунтарских настроений, они не хотят уже отказаться от оружия организации. В резолюциях своей конференции в мае 1921 года они признают „необходимым построение единой организации на основе принудительной товарищеской самодисциплины, одной общей политической позиции".

Но суть вопроса не столько в организационных принципах, сколько в том, против кого, против каких классов они стремятся направить оружие своей организации. Резолюции конференции универсалистов и два номера их легального журнала „Универсал" вполне отвечают на этот вопрос. Прежде всего: за интересы какого класса и против какого класса собирается в поход новый Мальбрук?

В резолюции о „задачах профессиональных союзов" они выдвигают идею — Всероссийского С'езда производителей", как высшего органа, регулирующего производство. Они не желают продумать это понятие „производитель", они не желают и не могут, по своей мелко-буржуазной природе, представить себе положение рабочего перед лицом многомиллионного крестьянского мелкособственнического моря на таком с'езде. В эпоху чудовищного разрушения хозяйства, когда все силы русских рабочих масс сосредоточиваются на борьбе с разрухой, у анархо-универсалистов — очередная и основная задача — спешная организация крестьянства. В передовой статье „Универсала" (№ 3—4, стр. 6), подводящей выводы закончившейся конференции универсалистов, соответственно заявляется:

„Переживаемый момент неизбежно определяет внутреннюю политику трудящегося класса тремя боевыми задачами: 1) спешная немедленная классовая организация трудового крестьянства в его производственные союзы" и т. д.

Из русско-крестьянских нархистов под новым заграничным названием „универсалистов" в каждой их строчке так и прет крестьянский собственник. Универсалисты не ограничиваются тем, что любезно во имя анархии пожимают руку правым эс-эрам и кадетам, восстающим против советской власти под лозунгом „синдиката" мелких собственников — союза трудового крестьянства.

Будучи последовательными в этом вопросе, они доводят до логических концов защиту мелких и средних собственников в своем отношении к кооперации.

В этом вопросе под видом новых истин они подносят нам старые маниловские народнические разговоры о кооперации и кооператорах. Для них „в кооперации проникновение духа федерализма в самую гущу народной жизни" („Универсал" № 1—2 стр. 17).

Для них кооперация „высший тип совместного социального сотрудничества". Свою идеализацию русской кооперации они переносят даже на русских кооператоров, бывших всегда традиционно-кадетскими и право-эсеровскими сгустками мелкобуржуазной интеллигенции. Тут не обходится даже без ссылок на самого Кропоткина, благо тот мертв и на мертвых все можно валить: „Петр Алексеевич Кропоткин высоко ценил русских кооператоров, ставших центрами умственной жизни деревни" („Универсал" № 1—2). Они доходят до того, что протестуют против недоверчивого отношения советской власти к этим старым кооператорам, кооперативным спецам, Чайковским и пр., без участия которых не обошлось ни одно противосоветское восстание в России. В резолюции по вопросу о кооперации, конференция универсалистов заявляет: „одной из причин хозяйственного разложения страны является недоверие правящих советских кругов к кооперации и ее практическим работникам — кооператорам"... Кто, кроме мелкого буржуа, кроме идеолога крестьянства, в такой, по преимуществу крестьянской стране, как Россия, может противопоставлять положительную силу, в лице кооперации, отрицательной силе в лице пролетарской диктатуры?

Ведь дело идет не о кооперации „вообще", не о пролетарской диктатуре „вообще" и даже не советской власти „вообще". А раз это так, то русским анархистам должно быть известно, что русская крестьянская кооперация исторически сложилась экономически, как организация сильного крестьянства, а следовательно политически, как организация мелкобуржуазных партий. Русские анархисты — ведь не анархисты „вообще". — они не представляют собою астрального неземного явления, они русские анархисты, живущие на нашей грешной земле.

А в этой грешной России, рабочий класс который уже 4 года борется за пеерход к социализму, нам слишком часто приходилось сталкиваться с огромным сопротивлением кооперативных спецов, кооперативной кадетской и право-эсеровской

верхушки, чтобы мы могли себе позволить роскошь чрезмерной идеализации кооперации зажиточного крестьянства.

Противопоставление русскими анархистами коооперации, как путь к анархии, — советской власти, мешающей наступлению анархического строя, лучше всего показывает, что здесь мы имеем дело с знакомым явлением: тех же махновских щей, только пожиже влей.

Переходя на позиции зажиточного крестьянства, универсалисты сдают и в других своих пунктах. К идее диктатуры пролетариата у них отношение непримиримое.

„Универсал" (№ 1—2) подвергает беспощадной критике идею диктатуры пролетариата, выдвигая из анархистского арсенала старые заржавевшие бакунинские доспехи: „ошибки, совершенные деспотизмом, горадо труднее поправимы, чем ошибки, совершенные свободой действия" (Бакунин).

В длиннейшей ученой статье они отлучают Гордина от анархистской церкви за признание им идеи диктатуры пролетариата. Для них, как старых „набатовцев", как для всех осатанелых мелко-буржуазных интеллигентов, основным критерием анархизма становится „идея абсолютного простора, абсолютной свободы личности" (Универсал № 1. Статья Л. Черного).

Для них советское государство неприемлемо, потому что оно „еще в большей мере, чем прежде, закабаливает личность каждого" (Универсал № 1).

В своем отрицании социалистического государства они начинают говорить о личности „вообще", как прежде говорили о кооперации „вообще". Для них нет классов в обществе, они не разбирают за отдельными личностями тех группировок личностей в классы, которые определяют социальное лицо общества. Они говорят не о рабочем и не о буржуа, не об угнетении рабочего в буржуазном государстве и не о неизбежном насилии пролетариата над буржуазией в переходный период к социализму, — они печалятся о личности „вообще".

Они всякую политическую борьбу рабочих против буржуазии опять об'являют вредной буржуазной ересью: „Политическая борьба, как наследие буржуазии, в интересах только ее, она только отодвигает рабочих и трудовое крестьянство от социальной революции" (К. М-цев. „Универсал", № 1—2, стр. 16).

Это значит: нам, русским рабочим, не нужно было свергать правительства Керенского, не нужно было бить на фронтах Деникина и Антанту, не нужно было путем жесточайшей борьбы экспроприировать экспроприаторов, поскольку все это „политика", а всякая „политика" есть „буржуазная ересь"...

Сколько бы ни писали анархо-универсалисты прекрасных слов о переходе, „от анархического бланкизма к классовому анархизму", сколько бы ни пытались они перейти на путь массовой организации, — при таком отношении к диктатуре пролетариата в крестьянской России — они останутся только крестьянской интеллигентской кучкой.

Из коровы не сделаешь лошади, сколько ни надевай на нее самого роскошного седла. Сколько ни надевай на себя русский анархизм прекрасных седел, как ни пытайся он стать течением в русском рабочем классе, как ни меняй он своих кличек и названий, — все одно он остается крестьянской „коровой", ничего общего не имеющей с пролетарским конем. Остается напомнить старое, но вечно новое изречение Козьмы Пруткова: „если видишь над клеткой со слоном надпись: буйвол — то не верь своим глазам"....

Выводы.

Европейский рабочий, прочитав все это, может случиться, пожмет плечами.

„Все это нам понятно. Вы нам расказали теорию и практику одной из русских противосоветских буржуазно-крестьянских группировок, — но при чем тут анархизм?“

Но в этом то и состоит трагедия русского анархизма, что он, нося имя течения, связанного с движением рабочих масс на Западе, превратился в России в течение, ничего общего с рабочим классом не имеющее, враждебное рабочему классу, отражающее интересы крестьянской буржуазии...

1. У нас есть ряд глубоких расхождений с западно-европейскими и и американскими революционерами-анархистами и революционными синдикалистами. Но эти расхождения не могут помешать нам изживать их товарищески в едином международном революционно-профессиональном движении.

Русские же анархисты ничего общего не имеют с рабочей борьбой за социализмом, но зато очень много общего имеют с кулацкой борьбой за капитализм.

Русские анархисты, несмотря на весь шум, поднимавшийся ими в течение годов Революции, не с'умели связаться ни с одной рабочей организацией, не с'умели связаться ни с одним революционным рабочим делом и не успели получить влияния ни в заводских комитетах, ни в Советах, ни в профессиональных союзах...

2. Русский анархизм, выбросивший лозунг немедленного осуществления анархии и безвластного общества, на каждом шагу попирал своей практикой, своим делом свои принципы. Русский анархизм в процессе гражданской войны дал организаторов, строителей и идеологов махновско-кулацкого государства.

3. Русский анархизм, вышедший в бой с лозунгом „свободы через свободу“, установил беспощадную диктатуру кулачества над пролетариатом и беднейшим крестьянством в своем махновском государстве.

4. Русский анархизм той же неумолимой логикой гражданской войны был превращен в идеологию бездельников, шкурников, дармоедов, лодырей, люмпенских отбросов города, служащих всегда „пушечной скотинкой для контр-революции“.

5. Русский анархизм, выступивший против „красного империализма“, превратился на деле в агентуру Антанты и крупного международного капитала, открывая неоднократно фронт белым войскам.

6. Русский анархизм, боровшийся неустанно против организации красной армии, против дисциплины в красной армии— возглавил собой бандитскую армию кулацкого государства, воплотившую в себе всю ненависть тупого деревенского буржуа — к рабочему.

7. Русский анархизм — „во имя немедленной полной свободы“ — убивал рабочих революционеров, расстреливал, зарезывал, закалывал коммунистических борцов за рабочее дело.

8. Русский анархизм, написавший на своем щите: „массовая рабочая организация“ превратился на деле в организацию заговорщических шаек. Бесформенность организации, отсутствие ясного, идейного и програмного лица, фантастичность группировок (вплоть до толстовцев и моралистов), интеллигентский и буржуазно-крестьянский состав, неуклонное переплетение анархистских группировок с уголовными и одновременные выступления уголовных под анархической маской, переполнение анархистской организации отбросами других партий, фактический блок, блок на контр-революционном деле, с государственниками из правых и левых эсеров, — такова картина состояния русского анархизма.

Русские анархисты жнут то, что посеяли. В стране диктатуры пролетариата, где Коммунистическая Партия имела и имеет исключительное влияние во всех рабочих организациях, они сеяли ненависть к советскому государству, к рабочей дисциплине, к организованной красной армии, к организации деревенских бедняков.

Они жнут появление кулаков, белогвардейцев и бандитов в роли анархистов.

Они жнут полный распад и развал. „Каждому по его делам“ — воздает неумолимая логика гражданской войны.

Анархисты получают неизбежное возмездие за свои дела, за свою работу в собственном разложении и гниении.

И наконец:

9. Лучшие представители „русского анархизма“ в лице анархо-синдикалистов и универсалистов, понявшие, что путь русского анархизма привел его только к контр-революции, не могут вырваться из крестьянско-бандитского русла, не могут выскочить из рамок обслуживания кулачества — идеологией.

Я. ЯКОВЛЕВ.

28 июля 1921 г.